

С. С. Сай

Действительные причастия

Действительные причастия — это такие причастия, которые образуются при помощи:

— суффиксов *-ущ (-ющ) / -ащ (ящ)*: *заходящий, влияющий, вращающийся, строящийся*; такие причастия называются **действительными причастиями настоящего времени**;

или

— суффиксов *-вши / -и*: *заходивший, влиявший, вращавшийся, строившийся, написавший, испугавшийся, пришедший*; такие причастия называются **действительными причастиями прошедшего времени**.

Содержательно действительные причастия объединяются тем, что в конструкциях с ними **релятивизируется** подлежащее. Это означает, что если при помощи причастия характеризуется некоторый референт (например, *заходящее за горы солнце*), то в независимом предложении, соотносимом по смыслу с причастным оборотом, этот референт занимает позицию подлежащего (ср. *солнце заходит за горы*). Подробнее о релятивизации см. Относительные придаточные, а об определении действительных причастий в их противопоставлении страдательным — [Сай 2016а].

Действительное причастие настоящего времени и действительное причастие прошедшего времени описываются в п. 1 и п. 2 соответственно. Отдельно обсуждаются вопросы, касающиеся действительных причастий в целом: а) вопрос о выборе между причастиями настоящего и прошедшего времени (п. 3) и б) вопрос о действительном причастии как об одном из возможных средств релятивизации подлежащего (п. 4).

1. Действительные причастия настоящего времени
  - 1.1. Образование действительных причастий настоящего времени
  - 1.2. Семантика действительных причастий настоящего времени
  - 1.3. Переход действительных причастий настоящего времени в другие части речи
2. Действительные причастия прошедшего времени
  - 2.1. Образование действительных причастий прошедшего времени
  - 2.2. Семантика действительных причастий прошедшего времени
  - 2.3. Переход действительных причастий прошедшего времени в другие части речи

3. Противопоставление действительных причастий настоящего и прошедшего времени
  - 3.1. Краткий обзор существующих точек зрения на проблему категории времени действительных причастий
  - 3.2. Обязательный выбор действительных причастий прошедшего или настоящего времени
  - 3.3. Выбор между действительными причастиями прошедшего и настоящего времени в позиции конкуренции
4. Действительные причастия в ряду средств релятивизации подлежащего
5. Библиография

1. Действительные причастия настоящего времени

Действительными причастиями настоящего времени называют причастия, образуемые с помощью суффиксов *-ащ (-ящ) / -ущ (-ющ)*: ср. *кричащий, ходящий, режущий, танцующий*.

Как и другие действительные причастия и в отличие от страдательных причастий, действительные причастия настоящего времени выступают как средство релятивизации подлежащего (*девушка танцует — танцующая девушка*).

Семантика настоящего времени, давшая традиционное название этому классу причастий, наиболее отчетливо прослеживается в контекстах типа (1), где ситуация, описываемая причастием *принадлежащие*, совпадает по времени как с моментом речи, так и со временем ситуации, описываемой главной клаузой.

- (1) — Вас интересуют бумаги, *принадлежащие* лично Шварцкопфу, или вообще все? [В. Кожевников. Щит и меч (1968)]

Однако на самом деле круг употреблений причастий настоящего времени значительно шире (см. п. 1.2).

1.1. Образование действительных причастий настоящего времени

1.1.1. Основа действительных причастий настоящего времени

Основа действительных причастий настоящего времени образуется путем присоединения к **основе настоящего времени** глаголов суффиксов *-ущ* (орфографически также *-ющ*) для глаголов первого спряжения и *-ащ* (орфографически также *-ящ*) для глаголов второго спряжения. Глаголы, обладающие вариантными основами настоящего времени, обычно в той или иной степени допускают образование и вариантных причастий настоящего времени (ср. *колыхающий* и *колышущий*).

Можно заметить, что гласный перед *щ* в суффиксе действительных причастий настоящего времени совпадает с тем, который входит в окончание личной формы настоящего времени третьего лица множественного числа. Это правило также распространяется на различные сложные случаи. Например, глагол *читать*, имеющий варианты формы третьего лица множественного числа (*читут* и *чтят*), допускает образование причастий *читущий* и *чтящий*; разноспрягаемый глагол *хотеть* образует причастие *хотящий* (ср. *хотят*), глагол *есть* образует причастие *едящий*¹. Наконец, от неправильного глагола *быть* маргинально образуется архаичное причастие *сущий* (ср. форму 3 л. мн. ч. *суть*, также архаичную; о причастии *сущий* см. также п. 1.1.3), что в какой-то мере соответствует общей закономерности:

- (2) ...он ... лёг, стал курить и думать о другой действительности, *сущей* в подлунном мире в единстве с этой действительностью, где и Мудряк. [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)]

---

¹ По этому неправильному глаголу видно, что причастие настоящего времени образуется от той же основы, что и личные формы множественного числа. То же, видимо, могло бы быть сказано и о другом подобном глаголе с нестабильной основой в презентной парадигме — *дать*. Этот глагол относится к совершенному виду и, соответственно, не имеет нормативного действительного причастия настоящего времени (см. п. 1.1.3). Однако окказионально от него образуется ненормативное причастие со значением будущего времени *дадущий* (около 20 употреблений в Google). Таким образом, носители русского языка и в этом случае выбирают тот вариант основы, который характерен для форм множественного числа (ср. *даст*, но *дад-ут*).

1.1.2. Ударение в формах действительных причастий настоящего времени

В причастиях глаголов, имеющих фиксированное ударение в личных формах настоящего времени, ударение всегда приходится на тот же слог, что и в этих личных формах, ср. *сизжу́, сидя́т* и *сидя́щий*; *ви́жду, ви́дят* и *ви́дящий*.

У большинства глаголов, имеющих подвижное ударение в личных формах настоящего времени, место ударения в причастии совпадает с местом ударения в форме третьего лица множественного числа: *пишу́, пи́шут, пи́шущий*; *люблю́, любя́т, любя́щий*. Эта закономерность согласуется со сформулированным выше (см. п. 1.1.1) правилом о совпадении гласного в суффиксе причастия и в окончании формы третьего лица множественного числа.

Впрочем, существуют и глаголы с подвижным ударением, у которых в причастии ударение приходится на суффикс причастия, что соответствует положению ударения в их форме первого лица единственного числа, но не соответствует положению ударения в форме третьего лица множественного числа: *хожу́, ходя́т, ходя́щий*; *ловлю́, лóвят, лóвящий*; *курю́, куря́т, куря́щий*. См. подробнее об этом в [Исаченко 1960/2003: 544–545].

При присоединении различных флексий адъективного типа в рамках парадигмы действительных причастий ударение остается фиксированным (*сидя́щий, сидя́щего, сидя́щая, сидя́щими* и т. д.).

1.1.3. Ограничения на образование действительных причастий настоящего времени и «действительные причастия будущего времени»

Основное ограничение на образование форм действительных причастий состоит в том, что такие причастия не могут быть образованы от глаголов **совершенного вида**.

Здесь, впрочем, необходимо сделать одну оговорку. На самом деле, как неоднократно отмечалось в специальной литературе [Грамматика 1980(1): 667]; [Калауцкая 1971: 24–25], суффиксы причастий настоящего времени достаточно часто присоединяются к глаголам совершенного вида. В результате образуются не вполне нормативные формы, которые логично считать **причастиями будущего времени**, ср. следующие примеры, взятые из [Крапивина 2009], где подробно анализируются «действительные причастия будущего времени» глаголов СВ²:

---

² Возможность образования причастий будущего времени связана с рядом факторов, точнее, образование этих форм, и в целом периферийное, может быть

- (3) Помню, в то время, когда я это писал, я считал себя Великим Писателем, рано или поздно *напишущим* гениальное произведение... (блог <http://mirotvoriec.livejournal.com>)
- (4) Так родилась форма с присущими ей индивидуальностью и своеобразием, счастливое сочетание функциональности и эстетики, *не теряющее* своей привлекательности в течение многих лет. (сайт Авторынок <http://www.enet.ru/win/digitalKenig/news/auto>)

Проанализировав подборку примеров с причастиями будущего времени, К. А. Крапивина приходит, среди прочего, к следующим выводам.

1. Причастия будущего времени гораздо чаще, чем другие действительные причастия, используются не одиночно, а в составе оборота (около 95 % случаев).

2. Причастия будущего времени гораздо чаще, чем другие действительные причастия, занимают не начальную позицию в составе причастного оборота, что в целом нетипично для причастий (см. пример (3) выше).

3. Причастия будущего времени гораздо чаще, чем другие действительные причастия, используются в контексте отрицания (см. пример (4) выше).

Как представляется, сделанные наблюдения укладываются в общее предположение о том, что причастия будущего времени сохраняют больше признаков «глагольности», то есть менее номинализированы, чем нормативные причастия прошедшего и настоящего времени (см. п. 4).

Несмотря на все сказанное, причастия будущего времени находятся на периферии грамматической системы — и по частотности, и по степени грамматической приемлемости (что было, в частности, показано в специальном эксперименте, описанном в [Крапивина 2009]). Именно поэтому многие авторы, отмечая их встречаемость в текстах, все же предлагают считать их находящимися за пределами русского литературного языка. Подробный разбор имеющихся взглядов на проблему статуса этих образований, как с точки зрения языковой нормы, так и с точки зрения собственно грамматической системы, см. в [Влахов 2010: 17–20].

Что же касается ограничений на образование собственно действительных причастий настоящего времени от глаголов НСВ, можно заметить, что таких ограничений в русском языке очень мало.

дополнительно ограничено для глаголов некоторых словоизменительных классов, для глаголов определенных способов действия и т. д. Подобные факторы подробно изучены в [Влахов 2010: 26–40].

В целом невозможно или по крайней мере затруднено образование действительных причастий от безличных глаголов, см. подробнее [Сай 2016а: 382 ff.].

Причастия настоящего времени, что закономерно, не образуются от тех немногочисленных глаголов НСВ, у которых нет личных форм настоящего времени (ср. *слыхающий и *слыхаю).

Далее, в современном русском языке в функции причастия практически не употребляется слово *сущий*, то есть действительное причастие настоящего времени от глагола *быть*. Архаичным является употребление слова *сущий* именно в качестве причастия глагола *быть*, как в примере (2); образованное от него прилагательное *сущий* 'истинный, весьма схожий' (ср. *сущий мерзавец*, *сущий ребенок*, *сущие копейки*) продолжает использоваться в современных текстах весьма регулярно³.

Также, как показано, в частности, в [Холодилова 2009: 29; 2014], в русском языке имеется тенденция к избеганию действительных причастий настоящего времени от глаголов *мочь* (*могущий*) и *хотеть* (*хотящий*)⁴. Не будучи грамматически невозможными, соответствующие причастия тем не менее составляют принципиально меньшую долю от употреблений этих глаголов, чем действительные причастия настоящего времени у других глаголов.

1.2. Семантика действительных причастий настоящего времени

Во многих случаях традиционное обозначение — «действительные причастия **настоящего времени**» — вполне соответствует семантике этих форм, т. е. эти причастия обозначают действия, синхронные моменту порождения текста, см. (1) выше. Однако в ряде случаев действительные причастия настоящего времени обозначают ситуации, не синхронные моменту порождения речи:

- (5) Таня ... увидела цепочку геологов, *идущих* по деревянным мосткам к большому зелёному фургону. [В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]

³ Интересно, что в парадигму глагола *быть* некогда входило и уникальное причастие будущего времени, а именно собственно *будущий*; однако в современном русском языке слово *будущий* также используется исключительно в качестве прилагательного.

⁴ Этот факт вписывается в типологическую тенденцию к редукции нефинитных форм у модальных глаголов (см. об этой стороне грамматики, например, [Вуеве 2003: 161–162]).

В целом в аспектуально-темпоральном плане спектр интерпретации этих причастий весьма широк, они могут использоваться при обозначении самых разных ситуаций — актуально-длительных, многократных (6), проспективных (7) и т. д. (см. об этом, например, [Князев 2007: 478–481]).

- (6) Мою неудачу заметила не я одна. Даже Лева Маркин, не *упускающий* случая меня похвалить, на этот раз молчал (И. Грекова. Кафедра, приводится в [Князев 2007: 478])
- (7) В окнах было совершенно сине. И в синеве на площадке оставались двое, *уходящие* последними, — Мышлаевский и Карась (М. Булгаков. Белая гвардия, приводится в [Князев 2007: 479])

Во многом именно из-за такой подвижности аспектуально-темпоральной интерпретации в рамках системы действительных причастий причастия настоящего времени, образуемые от глаголов НСВ, часто описываются как своего рода «немаркированный член» [Исаченко 1960/2003: 542]. Действительно, для того чтобы понять, какое именно значение **выражается** этими формами, необходимо рассматривать их не в изоляции, а в рамках той парадигмы, в которую они входят, сравнивая их с другими формами, которые говорящий может употребить в речи. Поэтому подробное описание аспектуального, темпорального и таксисного потенциала этих форм приводится в п. 3.

В большинстве случаев действительные причастия настоящего времени, как и прочие действительные причастия, служат релятивизации подлежащего; в этом смысле их семантику осмысленно рассматривать в ряду других конструкций, способных выполнять эту функцию (см. п. 4). Особняком в этом смысле стоят действительные причастия настоящего времени с постфиксом *-ся*, выражающим пассивное значение: их осмысленно сопоставлять со страдательными причастиями настоящего времени, ср. *рассматривающийся* и *рассматриваемый* (см. об этом подробнее [Сай 2016b: 441–444]).

1.3. Переход действительных причастий настоящего времени в другие части речи

Ниже обсуждается переход действительных причастий настоящего времени в прилагательные — адъективация (см п. 1.3.1) — и в существительные — субстантивация (см. п. 1.3.2). Об аналогичных процессах для действительных причастий прошедшего времени см. п. 2.3.

1.3.1. Адъективация действительных причастий настоящего времени

Адъективация, то есть выпадение причастия из глагольной парадигмы и превращение его в отдельную адъективную лексему, затрагивает не весь класс причастий в равной мере, а отдельные причастные образования. Тем не менее существуют общие семантические тенденции, характерные для больших групп адъективирующихся причастий. Для действительных причастий настоящего времени эта тенденция в основном сводится к утрате компонентов значения, связанных с определенной локализацией во времени, и развитию узуальной, потенциальной или «вневременной» семантики (т. е. «генерического» значения). Другими словами, у адъективирующихся действительных причастий настоящего времени обычно развивается способность обозначать стабильные признаки объектов⁵. Этот путь развития рассматривается в п. 1.3.1.1. Частным случаем той же тенденции можно считать развитие метонимических употреблений адъективирующихся причастий, обсуждаемых в п. 1.3.1.2. Еще несколько случаев развития прилагательных, внешне напоминающих причастия, рассматриваются в пп. 1.3.1.3–1.3.1.5.

1.3.1.1. Прилагательные со значением способности или функции

Общая тенденция к развитию у адъективированных причастных форм вневременной семантики проявляется, в частности, в образовании прилагательных со значением «способный производить действие», обозначаемое производящим глаголом (8) [Лопатин 1966: 41], и «служащий, предназначенный для выполнения действия» [там же] (9), см. также [Грамматика 1980(1): 666].

---

⁵ Л. П. Калакуцкая отмечает, что действительные причастия настоящего времени сравнительно редко обозначают такие действия, которые совпадают по длительности с действием, обозначенным опорной формой, а гораздо чаще отсылают к ситуациям, длительность которых **шире** действия, выраженного опорной формой: *Левин застал жену грустною и скучающею* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина) [Калакуцкая 1971: 61–62]. Такая ситуация, по мнению Л. П. Калакуцкой, и создает предпосылки для развития значений вневременного признака и, таким образом, адъективации.

- (8) Написала *потрясающую* диссертацию о Чехове. И вот ей рекомендовали заняться моими сочинениями. [С. Довлатов. Переводные картинки (1990)]
- (9) Излучение от компьютеров, взвесь вредного *красящего* порошка от оргтехники, табачный дым + смог — ВСЕ ЭТО причина Ваших головных болей в конце рабочего дня. [Подарок (2005)]

Адъективные значения названных типов особенно характерны для причастий непереходных глаголов (*летающая тарелка, играющий тренер, хрустящая корочка*); они, впрочем, также возможны и для переходных глаголов, но в этом случае такие причастия в большинстве случаев употребляются без прямого дополнения, как в примере (9), см. обсуждение в [Лопатин 1966: 41]. Сочетания действительных причастий настоящего времени в адъективных значениях и модифицированных ими имен демонстрирует высокую продуктивность, в частности, в области технической терминологии: *режущий инструмент, красящее вещество* [Лопатин 1966: 41–42].

Проблема, возникающая при анализе таких употреблений, состоит в том, что во многих случаях личные формы настоящего времени соответствующих глаголов также в принципе могут употребляться в значении вневременного признака, свойства или способности, ср. (9) и (10):

- (10) Есть карандаш такой, он *красит* с эффектом подводки. [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)]

Таким образом, различие в этих случаях оказывается прежде всего количественным: финитные формы глагола *красить* гораздо чаще используются для обозначения локализованной во времени ситуации, хотя могут обозначать и вневременную способность, а формы адъективирующегося причастия *красящий* — наоборот. В ряде работ, в которых адъективация понимается как градуальный процесс, причастные образования, демонстрирующие среди семантических признаков адъективации лишь утрату привязки к конкретному моменту времени, трактуются как «причастия в значении прилагательных». Тем самым такие образования все же рассматриваются как причастия, то есть единицы, не потерявшие связи с глагольной парадигмой и не перешедшие в класс прилагательных [Лопатин 1966: 41–43]; [Грамматика 1980(1): 666]. Иногда в литературе используется трех- или даже четырехуровневая классификация: например, в [Сазонова 1989] противопоставляются просто причастия, «ставившие лексические значения причастных форм», причастия в адъективном значении и прилагательные, омонимичные причастиям [Сазонова 1989].

ПРИМЕЧАНИЕ. В. В. Лопатин, среди прочего, обсуждает и действительные причастия настоящего времени от деноминативных глаголов на *-ствовать*: *фашиствующий, хулиганствующий, эстетствующий* и т. п. Несмотря на признание того, что подобные образования часто возникают окказионально, без закрепления в языке соответствующих глаголов в финитных формах, В. В. Лопатин приходит к выводу о том, что и их следует все же трактовать именно как причастия, пусть и реализующие лишь «адъективные значения» [Лопатин 1966: 43].

Развитие вневременного прочтения очень характерно для действительных причастий настоящего времени и в какой-то мере может быть признано их ингерентным свойством.

ПРИМЕЧАНИЕ. Впрочем, такой сценарий семантического развития все же не полностью неограничен и в значительной мере предопределяется семантическими свойствами глагола. Эта проблема подробно рассматривается в [Богданов 2011: 121–126], где отмечается затруднительность вневременного («генерического» в терминологии автора) прочтения для действительных причастий настоящего времени для двух групп глаголов.

1. Для некоторых **неагентивных** («неаккузативных» в терминологии автора) непереходных глаголов. Так, утверждается, что при помощи именной группы *текущее вещество* может обозначаться лишь вещество, которое течет в некоторый релевантный момент времени, а не просто обладающее способностью течь. Сочетание же, например, *говорящее чудовище*, включающее причастие агентивного глагола *говорить*, может обозначать чудовище, способное говорить, но не обязательно говорящее в конкретный момент времени. Для многих неагентивных глаголов существуют псевдопричастия, оканчивающиеся на *-чий*, которые всегда имеют генерическое прочтение (ср. *текущее вещество*).

2. Для переходных глаголов, относящихся к классу «**глаголов результата**», противопоставленному классу переходных «**глаголов способа**». Так, утверждается, что именная группа *читающий человек* (*читать* — глагол способа, он описывает определенный тип действия Агенса, но не обозначает какого-либо изменения состояния второго участника — Пациенса или, в другой терминологии, Темы) может отсылать к человеку, обладающему способностью или склонностью к чтению, но не читающему ни в какой момент наблюдения, в то время как именная группа *варящий человек* (*варить* — глагол результата, он предполагает изменение состояния Пациенса, но не конкретизирует характер действия Агенса) может иметь только эпизодическую интерпретацию, то есть обязательно отсылает к человеку, который что-то варит в некоторый релевантный момент наблюдения. Основная сложность с эмпирической проверкой этой гипотезы кроется в неочевидности самого противопоставления глаголов способа и результата. Так, например, неясно, можно ли считать глаголы *пить* или *кормить* глаголами способа (причастия *кормящий* и *пьющий*,

несомненно, могут развивать генерические значения по описанной модели, ср. *кормящая мать, пьющий муж*).

Ограничения на возможность генерической, вневременной интерпретации действительных причастий настоящего времени требуют дальнейшего изучения.

1.3.1.2. Прилагательные с метонимическим сдвигом

Адъективация действительных причастий настоящего времени может также сопровождаться **метонимическим** переносом. Речь идет о ситуации, когда при помощи адъективируемого причастия признак или свойство приписываются не тому участнику ситуации, который мог бы на самом деле оказаться в позиции подлежащего при финитной форме соответствующего глагола, а какому-то смежному участнику, часто тому или иному атрибуту одушевленного участника:

- (11) — Сквозная, заживет, — сказал летчик *понимающим* тоном, задрав на Синцове гимнастерку и обвязывая его лоскутами своей рубашки. [К. Симонов. Живые и мертвые (1955–1959)]
- (12) Трудно было представить себе, что этих животных носят ноги, а не крылья, так воздушно легка была их *скользящая, крадущаяся* поступь. [Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950–1951)]

Понятно, что способностью понимать может обладать человек, одушевленное существо, например, летчик, а тон голоса в данном случае характеризуется как такой, который принадлежит человеку, обладающему этой способностью (ср. *летчик понимает — *тон понимает, животные крадутся — *поступь крадется*).

1.3.1.3. Прилагательные на *-ущ / -ащ*, несоотносимые с глаголом

Адъективация еще более заметна в тех случаях, когда единица, имеющая форму причастия, вообще не соотносится по смыслу напрямую с глаголом, от которого она могла бы быть произведена, ср. *исчерпывающее объяснение, выдающийся ученый* (ср. **объяснение исчерпывает, *ученый выдается*).

Наконец, можно заметить, что в русском языке существуют и такие несомненные прилагательные, которые имеют в своем составе суффиксы,

типичные для действительных причастий настоящего времени, притом что соответствующих глаголов в системе языка нет, ср. *предыдущий, настоящий*.

ПРИМЕЧАНИЕ. Ср. также прилагательные *завалиющий, пропавший*, внешне напоминающие причастия, но в действительности ими не являющиеся и, видимо, никогда не являвшиеся. Также следует упомянуть существование небольшого количества прилагательных, имеющих в своем составе суффиксы, совпадающие с суффиксами действительных причастий настоящего времени, но образованных от других прилагательных и выражающих значение интенсивности выраженности признака: *большущий, длиннущий, умнущий, хитрющий*. Отдельную интересную группу образуют просторечные прилагательные типа *важнейущий, сильнейущий, первеющий*, возникшие, вероятно, вследствие контаминации причастного суффикса и форм превосходной степени (ср. *важнейший, сильнейший, первейший*).

1.3.1.4. Прилагательные с формальными отличиями от соответствующих причастий

Некоторые из прилагательных, напоминающих причастия, характеризуются выпадением /j/ и стяжением гласных по сравнению с ожидаемым регулярным причастием: *гулящий, сведущий*, а также, возможно, *работящий*. *Сведущий* — закрепившееся в русском литературном языке прилагательное со значением ‘имеющий познания в определенной области, компетентный’. При этом по регулярным правилам от устаревающего, но иногда употребляющегося глагола *сведовать* ‘иметь знания, разбираться’ должно образовываться причастие *сведующий* (ср. *сведуют*). Такое образование изредка встречается в текстах Корпуса до середины XX в., в основном также в адъективированном значении ‘компетентный’:

- (13) Первый том, наряду с положительной оценкой его наиболее *сведущими* «салтыковедами» (которых очень немного), встретил, разумеется, неблагоприятное отношение со стороны газетных критиков (которых очень много). [Р. В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки (1934–1944)]

«Стяженные» формы иногда характеризуют просторечные или разговорные варианты слов, связанных по происхождению с причастиями, ср. *следущий* (вместо литературного *следующий*). Образованное по правилам действительное причастие настоящего времени от глагола *гулять* — *гуляющий* (ср. *гуляют*), а просторечное (или имитирующее просторечие) *гулящий* используется как прилагательное со значением ‘распутный, праздный’.

1.3.1.5. Адъективные композиты с причастным компонентом

К числу адъективированных образований, связанных с причастиями, относятся также композиты (образования, полученные путем словосложения), в которых первый элемент соответствует какому-либо зависимому исходного глагола, а второй как раз и представляет собой по форме действительное причастие настоящего времени: *дорогостоящий, скоропортящийся* и т. д. (см. обсуждение в [Богданов 2011: 165–201]). Особый подкласс таких образований составляют слова, в которых первый компонент соответствует имени, которое могло бы быть употреблено в позиции прямого дополнения при соответствующем переходном глаголе: *металлорежущий* (ср. *режет металл*), *деревобрабатывающий* (ср. *обрабатывает дерево*). Как отмечает В. В. Лопатин, такие композиты частотны в сфере технической терминологии; их образование компенсирует обсуждавшуюся выше (п. 1.3.1.1) неспособность адъективированных действительных причастий переходных глаголов сочетаться с прямыми дополнениями [Лопатин 1966: 42]⁶.

1.3.2. Субстантивация действительных причастий настоящего времени

Отмеченные выше (см. п. 1.3.1) семантические и формальные особенности процесса адъективации действительных причастий настоящего времени в целом характерны и для субстантивации этих образований. Так, для субстантивирующихся причастий обычно характерна вневременная семантика (*верующий, служащий*); в ряде случаев они возникают благодаря метонимическому переносу (*шипящий* в значении ‘шипящий звук’), субстантиваты могут образовываться по стяженной модели (*заведущий* вместо литературного *заведующий*), фиксируются и двусосновые субстантиваты, в которых к причастию восходит лишь вторая часть (*кровоостанавливающее, ясновидящая*). В ряде случаев можно предполагать, что субстантивируются вообще не собственно причастия, а прилагательные, образованные от причастий (*курящий*: причастие > прилагательное ‘такой, который имеет привычку или склонность курить’, ср. *курящая женщина, курящая компания* > существительное ‘курящий человек, курильщик’, ср. *купе для курящих*). Однако субстантивация действительных причастий настоящего

---

⁶ Для некоторых из подобных образований сложно установить, каким именно образом их первая часть соотносится со структурой зависимых глагола, дающего основу для второй части, ср. *основополагающий, электродвижущий, живорастущий, горнодобывающий, жизнеутверждающий*.

времени демонстрирует и свои закономерности, не выводимые напрямую из свойств адъективированных причастий.

Наиболее распространенной моделью субстантивации действительных причастий настоящего времени является их использование для обозначения **лиц**, регулярно или постоянно выполняющих определенное действие, ср. *зал для курящих, заведующий / заведующая отделением*. Приведенные примеры являются лексикализованными, закрепленными в языковой системе, однако отражаемый ими сценарий семантического развития продуктивен, подобные образования могут конструироваться в речи, причем с сохранением некоторых зависимых, типичных для глаголов:

- (14) *Протестующие против реформ* делают несколько попыток убить правителя, которые благодаря мудрости Забибы оканчиваются неудачей (http://ru.wikipedia.org/wiki/Забиба_и_царь)

Субстантивированные причастия иногда обозначают группы лиц, определяемые по их социальной роли, функции в какой-либо институционализированной ситуации, ср. *брачащиеся / брачующиеся, отдыхающие*:

- (15) В столовой собрались *отдыхающие*, чтобы повеселиться. [Н. Мандельштам. Воспоминания (1960–1970)]

Некоторые другие (то есть не связанные с обозначением лиц) модели субстантивации действительных причастий настоящего времени упоминаются в [Исаченко 1960/2003: 546]; видимо, все такие модели являются непродуктивными (*пресмыкающиеся, подлежащее*). Обычно такие субстантиваты, образованные по определенной модели, относятся к одному и тому же грамматическому роду, при этом род обычно совпадает с родом такого существительного, которое можно восстановить как «подразумеваемое» определяемое субстантивирующихся причастий: *шипящий, свистящий* (ср. *звук*), *успокаивающее, отхаркивающее* (ср. *средство, лекарство*).

2. Действительные причастия прошедшего времени

Действительными причастиями прошедшего времени называют причастия, образуемые с помощью суффиксов *-вш* или *-ш*: *открывший, ходивший, высохший, стершийся*.

Как и другие действительные причастия и в отличие от страдательных причастий, действительные причастия прошедшего времени выступают как средство **релятивизации подлежащего** (*пруд высох — высохший пруд*).

Традиционное обозначение обсуждаемых причастий как причастий прошедшего времени частично опирается на парадигматические соображения. Во многих случаях при помощи этих причастий обозначаются ситуации, имевшие место в прошлом, однако в целом их аспектуально-темпоральная семантика устроена более сложным образом (см. п. 2.2).

2.1. Образование действительных причастий прошедшего времени

2.1.1. Основа действительных причастий прошедшего времени

Основа действительных причастий прошедшего времени заканчивается суффиксом этих причастий — *-вш* или *-ш*; к этой основе присоединяются окончания в соответствии с общими закономерностями адъективного склонения. Выбор суффикса причастия подчиняется следующему правилу: к глагольным основам, оканчивающимся на гласный, присоединяется суффикс *-вш*, а к глагольным основам, оканчивающимся на согласный, присоединяется суффикс *-ш*. Это правило не имеет исключений, однако для его использования необходимо определить, к какой именно основе у конкретного глагола присоединяется суффикс причастия. В подавляющем большинстве случаев это основа прошедшего времени, то есть основа, используемая в финитных формах прошедшего времени, ср. глаголы, у которых основа прошедшего времени заканчивается на гласный: *игра-вш-ий* и *игра-л-а*, *да-вш-ий* и *да-л-а*, *коси-вш-ий* и *коси-л-а*, *моло-вш-ий* и *моло-л-а*, — и глаголы, у которых основа прошедшего времени заканчивается на согласный: *загрыз-ш-ий* и *загрыз-л-а*, *помог-ш-ий* и *помог-л-а*, *умер-ш-ий* и *умер-л-а*. Некоторые особые случаи рассматриваются в пп. 2.1.1.1–2.1.1.3.

2.1.1.1. Образование действительных причастий прошедшего времени от ну-теряющих глаголов типа *сохнуть*

Сформулированной выше общей закономерности подчиняется образование действительных причастий прошедшего времени от глаголов, у которых финитные формы прошедшего времени могут использовать основу, заканчивающуюся на согласный, притом что их инфинитив оканчивается на *-нуть*: *мокнуть*, *погаснуть*, *свергнуть* (так называемые ну-теряющие глаголы, или глаголы IV словоизменительного класса в терминологии [Грамматика 1980]). Как известно, у большинства таких глаголов фиксируются также вариантыные финитные формы прошедшего времени с основой,

заканчивающейся на *-ну*, например: *гас-ла* и *гас-ну-л-а*, *прибег-л-а* и *прибег-ну-л-а*. Вполне закономерно для многих из этих глаголов и действительные причастия прошедшего времени образуются вариативно — либо от основы с консонантным исходом при помощи суффикса *-ш*, либо от основы с вокалическим исходом при помощи суффикса *-вш*: *гас-ш-ий* и *гас-ну-вш-ий*, *прибег-ш-ий* и *прибег-ну-вш-ий*.

Ситуация с распределением двух способов образования причастий у глаголов этого класса значительно различается для отдельных глаголов, при этом закономерности образования причастий не выводятся из закономерностей, касающихся образования финитных форм прошедшего времени. Данные для 18 из этих глаголов приведены в Таблице 1. В таблице как для причастий прошедшего времени, так и для финитных форм прошедшего времени приводятся распределения форм с *-ну* и без *-ну* (подсчеты велись только по текстам, созданным после 1900 г.).

Таблица 1. Доля употреблений с суффиксом *-ну* среди действительных причастий прошедшего времени от глаголов типа *сохнуть* (Подкорпус текстов с 1900 г.)

	действительные причастия прошедшего времени			финитные формы прошедшего времени		
	всего	из них с <i>-ну</i>		всего	из них с <i>-ну</i>	
	N	N	%	N	N	%
<i>гибнуть</i>	15	15	100,0 %	615	6	1,0 %
<i>исчезнуть</i>	1079	1078	99,9 %	14224	12	0,1 %
<i>сохнуть</i>	22	19	86,4 %	223	3	1,3 %
<i>свергнуть</i>	35	30	85,7 %	193	19	9,8 %
<i>гаснуть</i>	12	8	66,7 %	795	20	2,5 %
<i>умолкнуть</i>	85	39	45,9 %	1673	6	0,4 %
<i>избегнуть</i>	101	16	15,8 %	73	18	24,7 %
<i>иссякнуть</i>	31	3	9,7 %	716	1	0,1 %
<i>стихнуть</i>	34	3	8,8 %	2876	0	0,0 %
<i>завязнуть</i>	39	1	2,6 %	190	0	0,0 %
<i>погаснуть</i>	345	4	1,2 %	2248	1	0,0 %
<i>прилипнуть</i>	513	4	0,8 %	772	3	0,4 %
<i>заглохнуть</i>	138	1	0,7 %	525	0	0,0 %
<i>слипнуться</i>	318	1	0,3 %	181	0	0,0 %
<i>замерзнуть</i>	1148	2	0,2 %	1360	1	0,1 %
<i>высохнуть</i>	976	1	0,1 %	679	0	0,0 %
<i>погибнуть</i>	4768	4	0,1 %	10873	7	0,1 %
<i>сдохнуть</i>	19	0	0,0 %	595	1	0,2 %

Данные, приведенные в Таблице 1, во многом фрагментарны, однако они позволяют сделать некоторые предварительные выводы.

1. Доля употреблений с *-ну* у причастий в целом выше, чем у финитных форм, иногда значительно (например, у глагола *сохнуть* явно предпочитается причастие *сохнувший*, а не *сохший*, при этом для финитных форм наблюдается обратная ситуация: формы типа *сохнул*, *сохнула* и т. д. почти не употребляются).

2. Указанная тенденция отмечалась в литературе [Грамматика 1980(1): 653], однако даже приведенных здесь данных достаточно для того, чтобы показать, что она далеко не в одинаковой степени действует для разных глаголов; например, глаголы *замерзнуть*, *высохнуть*, *погибнуть* образуют почти исключительно причастия без *-ну* (*замерзший*, *высохший*, *погибший*), тем самым у этих глаголов причастия образуются обычно от той же основы, что и формы прошедшего времени.

3. На изученном материале в целом подтверждается наблюдение, согласно которому бессуффиксальные основы чаще используются у приставочных глаголов (см., например, об этом [Граудина 1980: 226]): по данным Корпуса, более употребительными оказываются причастия *гибнувший*, *сохнувший*, *гаснувший*, но *погибший*, *высохший*, *погасший*. На эту общую тенденцию накладываются, однако, индивидуальные особенности конкретных глаголов, при этом не всегда выбор формы причастия очевидным образом связан с выбором финитных форм (ср. почти полное отсутствие причастия *исчезший* при безусловной предпочтительности финитных форм типа *исчез*).

При всех указанных обстоятельствах глаголы данного класса укладываются в общую тенденцию: причастия образуются от основы, используемой в финитных формах прошедшего времени.

2.1.1.2. Образование действительных причастий прошедшего времени от глаголов типа *тереть* (с основой прошедшего времени на согласный, но без *-ну* в инфинитиве)

В некоторых классах глаголов из описанной выше закономерности фиксируются, однако, и исключения⁷. Можно вспомнить, что, помимо уже рассмотренных глаголов типа *сохнуть* (см. п. 2.1.1.1), основы финитных форм прошедшего времени в русском языке оканчиваются на согласный

---

⁷ Вопрос о фиксируемых иногда расхождениях между причастиями и финитными формами прошедшего времени в области акцентуации будет рассмотрен ниже.

только у глаголов VI словоизменительного класса (в системе, принятой в [Грамматика 1980]), то есть у глаголов, характеризующихся совпадением основ настоящего и прошедшего времени. Среди этих глаголов отклонения от общей закономерности демонстрируют глаголы с корнем *шиб-* (они обладают уникальным словоизменением, ср. *ушиб*, но *ушибить*); как и некоторые другие глаголы VI словоизменительного класса, эти глаголы характеризуются тем, что у них основа инфинитива не совпадает с основой, используемой в формах прошедшего времени, ср. *ушиби-ть*, но *ушиб-ла*. По общему правилу от этих глаголов ожидалась бы причастия типа *ушибивший* (именно такое причастие упоминается в [Исаченко 1960/2003: 554]), однако в Корпусе представлены не только причастия, образованные от основы финитных форм прошедшего времени: *ушиб-ш-ий*, *ошиб-ш-ий-ся* и т. д., — но и причастия, образованные от основы инфинитива⁸: *ушибивший*, *ошибившийся* (по данным Google, два типа форм соизмеримы по частотности, например, точная форма *ушибившийся* встречается в 164 документах, а *ушибившийся* — в 165).

Похожая тенденция наблюдается и для глаголов с основой, заканчивающейся на согласный /р/: у глаголов *тереть*, *переть* и производных от них в Корпусе фиксируются не только соответствующие общему правилу причастия типа *тер-ший*, но и причастия типа *тере-вш-ий*, также образованные от основы инфинитива (при этом, например, у относящихся к тому же словоизменительному классу и даже подклассу глаголов *умереть* и *простереть*, в литературном языке образуются только закономерные формы причастий: *умерший*⁹, *простерший* и т. д.).

У всех остальных глаголов VI класса (это глаголы с основой прошедшего времени на задненебный и инфинитивом на *-чь*, ср. *стричь* и *стриг*, а также глаголы с основой прошедшего времени на /б/, /с/ и /з/ и инфинитивом на *-сти*, *-сть*, *-зти* или *-зть*, ср. *грести* и *греб*) в случае несовпадения основ финитных форм прошедшего времени и инфинитива при образовании действительного причастия прошедшего времени используется основа финитных форм прошедшего времени, а еще точнее — форм мужского рода прошедшего времени, ср. *толок-ш-ий* и *толок*, *жѣг-ш-ий*

⁸ Впрочем, ситуация еще осложняется тем, что и финитные формы прошедшего времени от обсуждаемых глаголов могут содержать «основу инфинитива», ср. единичные, но встречающиеся в Корпусе употребления типа *расшибил*, *подшибил*.

⁹ Формы типа *умеревший*, хотя они и встречаются в речи (что подтверждается данными поисковых систем), не являются литературными, ср. эпиграмму Мандельштама «Умеревший офицер», обращенную Н. Оцупу, употребившему такое выражение в своей позднее уничтоженной поэме.

и *жѣг*, но *толк-л-а*, *жг-л-а*. Несовпадение может касаться реализации ударных гласных на месте орфографического *е* и *ѣ*. Если в финитных формах глагола под ударением произносится /э/, то в причастии фиксируется оно же, ср. *залез* и *залезший*. Глаголы же, у которых в финитной форме мужского рода произносится /о/ (орфографическое *ѣ*), при образовании причастий демонстрируют колебания. У большинства из них возможны употребления причастий с основой, совпадающей с формой прошедшего времени мужского рода (*берѣг-ш-ий*, *пренебрѣг-ш-ий*, *принѣс-ш-ий*), однако по крайней мере для некоторых глаголов возможно и образование причастий, в которых произносится /э/: (*пренебрегший* и т. п.).

По всей видимости, использование этого фрагмента грамматики вызывает у носителей русского языка определенные трудности. Об этом говорят данные небольшого эксперимента, в ходе которого нескольким испытуемым в письменной форме был задан вопрос о том, через *е* или через *ѣ* пишутся причастия *берегший*, *повлекший*, *сжегший*, *легший* и т. д., всего 20 форм. Испытуемые часто говорили о трудности такого задания, о многих причастиях говорили, что в принципе возможны обе формы, и даже если отдельные испытуемые давали однозначные оценки, то оценки эти часто не совпадали у различных носителей.

Отсутствие рефлексов перехода /э/ в /о/ является церковнославянизмом, и, возможно, использование таких форм связано с абстрактностью значения или принадлежностью к высокому стилю речи. В ходе эксперимента произнесение через /э/ особенно часто признавалось допустимым для *повлекший*, *облекиший*, *пренебрегший*, *обрекший*, *простерший*.

К сожалению, изучение этого вопроса на материале Корпуса затруднительно из-за непоследовательного использования в русском письме буквы *ѣ*.

2.1.1.3. Образование действительных причастий прошедшего времени от глаголов типа *цвести*

Наибольшие сложности для образования действительных причастий прошедшего времени представляют те из глаголов на *-сть* / *-сти*, у которых основа настоящего времени заканчивается на /т/ или /д/ (у таких глаголов этот согласный отсутствует в основе прошедшего времени), ср. *цвести* (*цвет-ут*, но *цве-л-а*), *вести* (*вед-ут*, но *ве-л-а*), *красть* (*крад-ут*, но *кра-л-а*). По системе, принятой в [Грамматика 1980], это подкласс VII словоизменительного класса глаголов. Основная закономерность, касающаяся образования действительных причастий прошедшего времени от этих глаголов, заключается в следующем: если их инфинитив оканчивается на *-сть*, то они, согласно общему правилу, образуют причастие от основы

прошедшего времени (*укра-вш-ий*, ср. *укра-л-а*, *се-вш-ий*, ср. *се-л-а*); если же инфинитив оканчивается на *-сти*, то при образовании причастия используется основа настоящего времени, точнее, в основе прошедшего времени восстанавливается исторически закономерный переднеязычный, отсутствующий в финитных формах¹⁰: *расцвет-ш-ий* (ср. *цвел-а*, но *цвет-ут*), *приведший* (*приве-л-а*, но *привед-ут*) и т. д. [Грамматика 1980(1): 669]; [Богданов и др. 2007: 527–528]. Эта закономерность в конечном счете связана с акцентуацией форм, образованных от основы прошедшего времени, ср. *украли* (ударение на основе, причастие образуется от основы прошедшего времени — *укравший*), но *привели* (ударение на окончании, причастие образуется по особому правилу) [Иткин 2007: 195].

В литературе упоминается, что от этой закономерности иногда фиксируются отклонения. В частности, в [Грамматика 1980(1): 669] упоминается возможность образования причастий *изобрешший*, *забредший*, *приобрешший*. Такие причастия действительно довольно широко представлены в текстах в Интернете, однако в Корпусе они практически отсутствуют: на 288 причастий, образованных по правилу о глаголах на *-сти* (*изобрет-ш-ий*, *забред-ш-ий*, и *приобрет-ш-ий*), приходится ровно один пример, демонстрирующий отклонение в пользу общей закономерности:

- (16) Он ушёл и никогда больше не встречался с Варенухой, *приобрешшим* всеобщую популярность и любовь за свою невероятную, даже среди театральных администраторов, отзывчивость и вежливость. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

В обсуждаемой группе глаголов, как и в классе глаголов типа *нести*, *беречь*, обсуждавшемся в п. 2.1.1.2, существуют колебания между произношением через /э/ и через /о/ в корне причастий, образованных от глаголов, у которых в форме прошедшего времени в корне произносится /о/ на месте орфографического ё. У одних глаголов в причастии стабильно реализуется /э/ (*шед-ш-ий*, *привед-ш-ий*, хотя *шё-л*, *привё-л*), у других возможно и реализация /о/, как в финитной форме (*принес-ш-ий* и *принёс-ш-ий*, ср. *принёс*). Как и в предыдущем случае, оценить реальную частотность таких вариантов при помощи Корпуса невозможно (некоторые расхождения между существующими грамматическими описаниями в этом вопросе отмечены в [Исаченко 1960/2003: 554]).

¹⁰ Такое уточнение позволяет подвести под это правило образование причастия от глагола *идти* и производных от него (*шед-ш-ий* и т. д.): синхронно в этих причастиях используется основа, не представленная ни в какой финитной форме.

2.1.2. Ударение в действительных причастиях прошедшего времени

В рамках парадигмы действительного причастия прошедшего времени **ударение** всегда неподвижно. Обычно ударение приходится на тот же слог, что и в инфинитиве соответствующего глагола (ср. *купивший* и *купить*, *стоявший* и *стоять* и т. д.). Исключения из этой закономерности наблюдаются для двух классов глаголов.

Во-первых, это глаголы, у которых инфинитив заканчивается на ударное *-ти́*. У таких глаголов в действительном причастии прошедшего времени, как и в форме мужского рода прошедшего времени, ударение ставится на последний гласный основы: *заползти́*, *запо́лз* и *запо́лзший*, *принести́*, *принёс* и *принёсший* (или *принёсший*).

Во-вторых, это те немногочисленные глаголы, у которых инфинитив заканчивается на *-еть* или *-ить*, но при этом в финитных формах прошедшего времени основа заканчивается на согласный. Это глаголы с компонентами *-шибить*, *-мереть*, *-переть*, *-тереть*, и *-простереть*. В инфинитиве таких глаголов ударение ставится на последнем слоге, а в действительных причастиях прошедшего времени оно обычно переносится на последний гласный основы, ср. *ушиби́ть* и *ушиби́ший*, *распросте́реть* и *распросте́рший*. Однако если в финитной форме мужского рода ударение стоит не на последнем гласном, то в причастиях могут наблюдаться колебания: ударение ставится либо на последний гласный основы, либо на тот же слог, что и в форме мужского рода: *заме́рший* и *за́мерший* (ср. *за́мер*), нормативное *уме́рший* и до недавнего времени не признававшееся нормативным, но употребительное *у́мерший* (ср. *у́мер*).

2.1.3. Ограничения на образование действительных причастий прошедшего времени

Ограничений на образование действительных причастий прошедшего времени в русском языке немного. В отличие от всех остальных типов причастий, эти причастия в принципе могут свободно образовываться от глаголов обоих видов, от переходных и непереходных (включая возвратные) глаголов и т. д. Единственное систематическое ограничение, связанное с семантико-синтаксическими характеристиками глаголов, состоит в том, что, как и другие типы причастий, действительные причастия прошедшего времени не образуются или крайне ограниченно образуются от безличных глаголов (*знобивший*, *светавший*). В тех редких случаях, когда подобные употребления все же фиксируются, можно констатировать, что соответствующие глаголы употребляются как личные:

(17) ... медленно шли по *светавшей Москве* [А. Белый. Между двух революций (1934)]

Ограничения формального порядка при образовании действительных причастий прошедшего времени в основном укладываются в единую тенденцию: в той или иной мере избегаются формы причастий с основой, заканчивающейся на согласный. Эта общая тенденция реализуется по-разному и не в равной степени для различных глаголов. В большинстве случаев она проявляется в том, что соответствующее причастие от глагола с основой на согласный может быть образовано и фиксируется в текстах, но употребляется реже, чем в среднем у глаголов с теми же семантико-синтаксическими характеристиками. Эта закономерность рассмотрена в [Холодилова 2009: 24–26], где, в частности, показано, что действительные причастия прошедшего времени сравнительно малоупотребительны для глаголов, спрягающихся по образцу *ползти (ползший), мести (мётший), беречь (берёгший)*. Для отдельных глаголов этих классов образование нужных форм затруднено настолько, что встает вопрос об их существовании в литературном языке: например, в Корпусе фиксируется всего один случай употребления действительного причастия прошедшего времени от *грести* и производных глаголов (зафиксирована форма *огрёбший*).

Другое проявление той же общей тенденции заключается в том, что, как уже говорилось, у глаголов с нестабильной основой прошедшего времени (например, *сохнуть*, ср. *сох* и *сохнул*) причастия с большей вероятностью образуются от основы с суффиксом, чем финитные формы прошедшего времени. Возможно, проявлением той же тенденции следует считать и тот, уже упоминавшийся в п. 2.1.1.2, факт, что от глаголов с компонентами *-шибить, -тереть, -переть* фиксируются противоречащие общему правилу причастия типа *ушибивший, теревший, заперевший*.

Помимо этого, данные Корпуса подтверждают отмечавшуюся в литературе [Шведова, Лопатин 2002: 344]; [Богданов и др. 2007: 528] затрудненность в образовании действительного причастия прошедшего времени от глаголов с компонентом *-честь*. По правилам здесь ожидаются причастия типа *учё-ви-ий*, то есть причастия, в которых основа заканчивалась бы на гласный. Тем не менее, в Корпусе нет ни одного вхождения действительного причастия прошедшего времени от подобных глаголов. За пределами Корпуса ожидаемые формы причастий от этих глаголов изредка попадают, даже и в текстах авторов-классиков, ср.: *Я так и ахнул от восхищения, когда жена, прочевшая ваше письмо прежде меня, веселым, но не восхищенным голосом объявила мне, что вы приедете...*

(письмо Л. Н. Толстого Н. Н. Страхову от 22–23 июня 1876 г.)¹¹; в Интернете фиксируются также и формы типа *учетший*.

2.2. Семантика действительных причастий прошедшего времени

В большинстве случаев семантика действительных причастий прошедшего времени выводима из набора представленных в них грамматических характеристик. Так, в частности, как все действительные причастия, они обозначают такие признаки различных лиц и объектов, которые связаны с участием этих лиц и объектов в качестве «субъекта» (то есть участника, который в независимом предложении оказался бы в позиции подлежащего) в ситуации, обозначаемой глагольной основой¹².

Сложнее вопрос о темпоральной, а также аспектуальной семантике рассматриваемых причастий. Если действительные причастия настоящего времени часто ведут себя как немаркированные по признаку времени (обозначают ситуации, не имеющие определенной временной привязки), то действительные причастия прошедшего времени почти всегда наделены осязаемой темпоральной семантикой и локализуют во времени обозначаемую ими ситуацию как предшествующую некоему «окну наблюдения». Однако решение вопроса о природе категории времени у этих причастий предполагает не изолированное их рассмотрение, а установление характера противопоставления между действительными причастиями прошедшего и настоящего времени, см. п. 3.

Действительные причастия прошедшего времени глаголов СВ и НСВ в целом способны выражать тот же набор аспектуальных значений, что и финитные формы прошедшего времени (см. об этом, например, [Князев 2007: 477–482]). Более того, в большинстве случаев замена действительного причастия прошедшего времени, образованного от глагола одного из видов, на такое же причастие парного по виду глагола приводит к такому изменению аспектуальной семантики, которое характерно и для финитных форм тех же глаголов:

---

¹¹ Благодарю Л. Л. Иомдина за указание на этот пример.

¹² Особняком здесь стоят действительные причастия прошедшего времени, образованные от глаголов несовершенного вида и имеющие в своем составе возвратный показатель *-ся* с пассивным значением, то есть причастия типа *стравившийся*.

- (18) Карандашу, однако, пришлось снести ... хитрость зарубежных импресарио, *писавших* на гастрольях советского цирка над его фамилией в афише: «учитель Олега Попова». [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)]

Замена причастия *писавших* на причастие *написавших* в этом примере привела бы к тому же семантическому эффекту, что и замена соответствующих финитных форм в придаточном относительном (ср. *которые писали...* vs. *которые написали...*): вместо многократности возникла бы семантика однократного достижения предела.

Вместе с тем существуют и такие действительные причастия прошедшего времени, которые обладают аспектуальной спецификой по сравнению с соответствующими финитными формами. Это относится прежде всего к причастиям, образованным от непереходных глаголов СВ, обозначающих **изменение состояния или признака**. Семантика таких глаголов состоит в следующем: в результате динамической ситуации, обозначаемой самим глаголом, наступает новое, результирующее состояние, при этом носителем такого состояния является референт подлежащего, ср. *скиснуть*, *покраснеть*, *спечься* и т. д. Действительные причастия прошедшего времени таких глаголов очень часто обозначают не динамическую ситуацию, ведущую к некоторому результату, а сам этот стативный результат (ср. обычные употребления соответствующих причастий: *покрасневшее лицо*, *скисшее молоко*, *спекшиеся губы*).

- (19) Я постоял еще минутку у *замерзшего* пруда. [П. Алешковский. Седьмой чемоданчик (1997–1998)]

В принципе результирующее состояние способны обозначать и финитные формы прошедшего времени таких глаголов:

- (20) Летом можно видеть плавающих рыб. Но сейчас пруд *замерз*. Только в одном месте чернеет вода — там, где втекает ручей. [И. Ефимов. Суд да дело (2001)]

На основании этого наблюдения иногда делается вывод о совпадении аспектуальных свойств действительного причастия прошедшего времени и финитных форм [Лисина 1986: 77]¹³. Однако это не вполне верно. Проявлением аспектуальной специфики обсуждаемых причастий является их появление в таком окружении, которое невозможно для соответствующих финитных форм. Так, например, Ю. П. Князев отмечает «уникальный

¹³ Ср.: «аспектуальные значения глагола *затвердела* и причастия *затвердевший* совпадают» [Лисина 1986: 77].

пример употребления действительного причастия прош. вр. СВ в сочетании с обстоятельством длительности, относящимся к последующему состоянию»:

- (21) *В течение недель* эта маленькая рыбка может быть *замерзшей* — и вновь ожить, едва настанет теплый период (пример из [Князев 2007: 478])

У соответствующей финитной формы (*замерзла*) такое статальное (результативное) употребление, при котором обстоятельство длительности взаимодействовало бы с результирующей фазой, невозможно (ср. **рыбка в течение недель замерзла*)¹⁴. Случаи сочетаемости причастий рассматриваемого типа с обстоятельствами, невозможными при финитных формах производящих динамических глаголов, не единичны:

- (22) Ему было шестьдесят два года, но волосы еще не седели, зато лицо было безобразное: широкое, морщинистое, *постоянно опухшее*. [Ф. М. Решетников. Между людьми (1864)]

Стативный компонент семантики причастий может проявляться и иначе, как в следующем примере:

- (23) В то время кулачные бои происходили зимой на *замерзшем* пруду помещичьего сада в Тарханах. [П. А. Висковатый (Висковатов). Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова (1842)]

Описывается ситуация, повторявшаяся на протяжении многих лет каждую зиму; упомянутый пруд не все время был покрыт льдом после того, как один раз *замерз*, а *замерзал* много раз. Если бы такая ситуация была выражена финитной формой прошедшего времени, нужно было бы использовать глагол НСВ, например:

- (24) Зимой, когда пруд помещичьего сада *замерзал* / **замерз*, на нем происходили кулачные бои.

Однако употребление причастия *замерзший* в данном контексте возможно: причастие описывает лишь стативное свойство пруда (наличие твердой поверхности), не отсылая к динамической ситуации замерзания.

¹⁴ Строго говоря, комментарий Ю. П. Князева может быть не вполне точным, так как обстоятельство времени *в течение недель* взаимодействует в приведенном примере не столько с самим причастием, сколько с ситуацией, описываемой при помощи конструкции *рыбка может быть замерзшей*. Это не отменяет того важного аспектологического факта, что предикаты *замерзла* и *была замерзшей* различаются по своей сочетаемости с обстоятельствами.

К числу обсуждаемых причастий относятся и действительные причастия прошедшего времени многих возвратных глаголов, обозначающих изменение состояния: *растрескавшийся, разошедшийся, слившийся*, см. следующий пример:

- (25) По *слипшимся* строчкам, конечно, сложно что-то опознать. [М. Елизаров. Pasternak (2003)]

Некоторые причастия обсуждаемого типа в тех случаях, когда они описывают результирующие состояния динамических процессов, выражаемых глаголами СВ, оказываются близки по семантике существующим прилагательным, обозначающим стативные признаки объектов, ср. *высохший и сухой, застывший и неподвижный, поседевший и седой*. Интересно, что существуют и такие стативные признаки, которые обычно выражаются при помощи действительных причастий прошедшего времени динамических глаголов, несмотря на то, что собственно динамическую фазу эти глаголы применительно к соответствующим признакам никогда или почти никогда не выражают¹⁵. Так, например, причастие *сросшийся* часто обозначает какие-либо нерасчленимые объекты независимо от того, имелась ли в действительности фаза, когда эти объекты *срастались*:

- (26) Высокая, плохо сохранившаяся плоская женщина со *сросшимися* на переносье *бровями*, назвавшись сестрой Чиграшова, строго сказала, что Виктору Матвеевичу нездоровится... [С. Гандлевский. НРЗБ (2002)]

Сросшиеся брови — это брови определенной формы, такой формы, которая **была бы**, если бы они сначала были отделены друг от друга, а потом *срослись* вместе. Таким образом, в данном случае причастие отсылает к определенному признаку, который лишь подается как результирующий.

По всей видимости, финитные формы глагола *срастись*, использованные в контекстах, связанных с бровями, почти никогда не обозначают собственно динамические ситуации ('**стать сросшимися**'). Формы прошедшего времени этого глагола могут употребляться с подлежащим *брови*, но в таких случаях и финитные формы обозначают именно результирующее состояние:

- (27) Она была бы подобна небесному ангелу, если бы ее тяжелые, черные брови не *срослись* над переносьем, обнаруживая в ней колдунью... [Ф. К. Сологуб. Турандина (1912)]

¹⁵ Аналогичное явление характерно и для некоторых страдательных причастий прошедшего времени, ср., например, *скрытый, вытянутый, отдаленный* и т. д., см. об этом [Падучева 2004b: 224].

Однако для финитных форм прошедшего времени глаголов СВ подобные употребления все же менее типичны, чем для причастий прошедшего времени тех же глаголов. Так, в Корпусе причастие *сросшиеся* употребляется применительно к бровям 111 раз, а финитные формы того же глагола — 18 раз¹⁶; в обычном случае соотношение частотностей причастий и финитных форм бывает обратным).

В целом, в отличие от действительных причастий прошедшего времени, финитные формы глаголов СВ используются как стативные предикаты сравнительно редко (впрочем, такие употребления и их свойства обсуждаются в [Падучева 2004а: 242, 384 ff., 496]), преимущественно это возможно при описании внешнего вида какого-либо предмета, пейзажа, человека:

- (28) ... глаза, вместо прежнего пламенного, обдающего жаром взгляда, смотрят только тревожно, остро и подозрительно; у углов губ *пролегла* тонкая морщинка; под глазами заметны темноватые круги...
[Н. С. Лесков. На ножах (1870)]

Можно признать, что всякое семантически резульативное употребление действительного причастия прошедшего времени от глагола СВ, обозначающего изменение состояния или признака, есть шаг на пути к адъективации такого причастия (см. подробнее п. 3)¹⁷. В то же время существенно, что обсуждаемые образования в большинстве своем сохраняют живую связь с производящими глаголами, а сама модель семантического переноса является неограниченно продуктивной для соответствующей группы глаголов.

Особое положение именно непереходных глаголов СВ, обозначающих изменение состояния или признака, для действительных причастий прошедшего времени подтверждается статистическими данными. Подсчеты показывают, что среди всех действительных причастий прошедшего времени причастия от таких глаголов составляют около 9,1 %, в то время как финитные формы прошедшего времени таких глаголов (непереходных глаголов СВ, обозначающих изменение состояния или признака) среди всех глагольных форм прошедшего времени составляют лишь 0,9 %, а та же доля для всех вообще глагольных форм еще ниже (0,8 %), что показано в следующей таблице.

---

¹⁶ Данные получены в результате ручной обработки.

¹⁷ Ср. формулировку Н. М. Лисиной: «близки прилагательным и действительные причастия с суффиксами *-ви*, *-и*, обозначающие признак, как результат предшествующего действия» [Лисина 1986: 76].

Таблица 2. Доля форм, образованных от непереходных глаголов СВ со значением изменения состояния или признака¹⁸, для действительных причастий прошедшего времени и других глагольных форм (по Подкорпусу со снятой омонимией)

	всех глаголов	из них непереходных глаголов СВ со значением изменения состояния	
	N	N	%
действительные причастия прошедшего времени	12013	1089	9,1 %
финитные формы прошедшего времени	357611	3105	0,9 %
все глагольные формы	989918	8245	0,8 %

Данные в Таблице 2 вписываются в более широкую картину, представленную в Таблице 3. По этим данным видно, что непереходные глаголы СВ и вообще связаны с выражением семантики изменения состояния. Так, среди всех форм непереходных глаголов СВ формы глаголов, относящихся к семантическому классу глаголов изменения состояния или признака, составляют около 4,8 %. Этот процент существенно выше, чем в других группах глаголов, выделенных по признакам переходности и вида. Однако можно убедиться в том, что для действительных причастий прошедшего времени такая связь особенно сильна: среди действительных причастий прошедшего времени, образованных от непереходных глаголов СВ, формы глаголов со значением изменения состояния составляют беспрецедентно высокие 23,3 %.

Таблица 3. Частотность действительных причастий прошедшего времени на фоне других глагольных в зависимости от вида, переходности и наличия семантики изменения состояния (по Подкорпусу со снятой омонимией)

	переходные глаголы		непереходные глаголы		всего
	СВ	НСВ	СВ	НСВ	
действительных причастий прошедшего времени	2662	2443	4669	2239	12013
из них от глаголов изменения состояния	23	5	1089	58	1175
	0,9 %	0,2 %	23,3 %	2,6 %	9,8 %

¹⁸ Приводятся размеры выдач, полученных по запросам к Корпусу, ручная обработка данных не проводилась. В частности, автоматически выявлялись глаголы со значением «изменения состояния или признака» (такой класс представлен в семантической разметке Корпуса).

	переходные глаголы		непереходные глаголы		всего
	СВ	НСВ	СВ	НСВ	
глагольных форм прошедшего времени	114590	76114	63462	103445	357611
из них от глаголов изменения состояния	802	202	3105	1232	5341
	0,7%	0,3%	4,9%	1,2%	1,5%
глагольных форм	256535	240134	172554	320695	989918
из них от глаголов изменения состояния	4174	733	8245	4674	17826
	1,6%	0,3%	4,8%	1,5%	1,8%

Видимо, частотностью действительных причастий прошедшего времени от глаголов с названными семантико-синтаксическими характеристиками объясняется и тот факт, что действительные причастия прошедшего времени от непереходных глаголов СВ составляют наибольшую группу среди четырех классов глаголов, выделяемых по признакам вида и переходности (по данным Корпуса, это число оказывается равно 39 %, то есть 3525 случаям из 9023, см. более полные количественные данные в [Сай 2016а: 385–386]).

2.3. Переход действительных причастий прошедшего времени в другие части речи

Как и причастия других типов, действительные причастия прошедшего времени могут переходить в прилагательные (п. 2.3.1) и в существительные (п. 2.3.2).

2.3.1. Адъективация действительных причастий прошедшего времени

Действительные причастия прошедшего времени в целом тяготеют к адъективации меньше, чем действительные причастия настоящего времени [Исаченко 1960/2003: 559] (об адъективации действительных причастий настоящего времени см. п. 1.3.1). Как и в других типах причастий, адъективация здесь в основном проявляется не в развитии индивидуально закрепленных за отдельными лексемами адъективных значений, а в градуальном ослаблении динамических компонентов значения по модели, характеризующей обширный (и принципиально открытый) класс причастий. Это ослабление идет по пути, обсуждавшемуся в п. 2.2: у действительных

причастий прошедшего времени развиваются значения типа «находящийся в состоянии, возникшем в результате действия, обозначенного основной глаголом» [Лопатин 1966: 44] (та же мысль в [Калакуцкая 1971: 108]); тот же процесс является основным путем адъективации страдательных причастий прошедшего времени. В основном, как уже говорилось, такое развитие затрагивает причастия «от непереходных глаголов СВ со значением длительного результирующего состояния» [Лопатин 1966: 44] (та же мысль в [Грамматика 1980(1): 666]), то есть в значительной степени от тех непереходных глаголов СВ, которые в семантической разметке Корпуса характеризуются как «глаголы изменения состояния или признака».

Основная аналитическая проблема в данном случае, как и в других случаях адъективации причастий (см. о критериях адъективации [Сай 2016а: 355–359]), заключается в том, чтобы провести границу между причастиями, еще остающимися таковыми, хотя и теряющими часть глагольных свойств, и прилагательными, возникшими на основе причастий. Применительно к основной массе используемых в результирующем значении действительных причастий прошедшего времени от глаголов СВ, обозначающих изменение состояния, исследователи обычно идут по пути сохранения за ними статуса именно причастий, несмотря на утрату динамических компонентов значения и преобладание употреблений таких причастий без «глагольных» по природе синтаксических зависимых. В частности, такие образования, как *заледевший*, *обезумевший*, *отекающий*, *пересохший*, *поливший*, *потускневший*, *прогнивший*, *слипшийся*, не признаются прилагательными ни в [Зализняк 1977/2003], ни в разметке Корпуса. Ключевым фактором здесь является то, что все подобные образования сохраняют регулярную семантическую и синтаксическую соотношенность с глаголами¹⁹.

При этом глаголы СВ, обозначающие изменение состояния, являются все же основным источником адъективированных действительных причастий прошедшего времени, то есть образований, которые трактуются как собственно прилагательные причастного происхождения. Это подтверждают данные, представленные в Таблице 4. В ней приведена группа лексем, отмеченных как прилагательные в Подкорпусе со снятой омонимией, при этом совпадающих по форме с действительными причастиями

---

¹⁹ Более того, как было показано в п. 2.2, соответствующие глаголы часто и в финитном употреблении способны обозначать именно результирующее состояние (см. [Падучева 2004а: 496–497]), так что различие между причастиями и финитными формами прошедшего времени оказывается количественным: причастия с большей частотностью, нежели финитные формы, употребляются для обозначения результирующего состояния.

прошедшего времени и имеющих не менее 5 вхождений в этом подкорпусе (для каждой единицы приводится количество вхождений именно в качестве прилагательного).

Таблица 4. Прилагательные, омонимичные действительным причастиям прошедшего времени, в Подкорпусе со снятой омонимией

<i>бывший</i>	685	<i>устаревший</i>	17
<i>прошедший</i>	104	<i>потерпевший</i> ²⁰	16
<i>минувший</i>	97	<i>потухший</i>	13
<i>погибший</i>	84	<i>иссохший</i>	9
<i>умерший</i>	73	<i>отживший</i>	8
<i>застывший</i>	33	<i>павший</i>	8
<i>высохший</i>	23	<i>истекший</i>	7
<i>упавший</i>	22	<i>осипший</i>	6
<i>выцветший</i>	20	<i>наболевший</i>	5

Особняком в этой группе стоит прилагательное *бывший*: оно является наиболее частотным, оно единственное восходит к причастию глагола, не являющегося глаголом СВ²¹. К тому же можно заметить, что оно обычно употребляется так, что нарушается синтаксическая соотнесенность с глагольной конструкцией:

- (29) Три десятка предпринимателей организовали складские помещения и производственные цеха на *бывшей* базе. [«Деловой квартал» (2003)] — ср. *организовали ... там, где (раньше) была база или организовали ... на том объекте, который (раньше) был базой*, но никак не **организовали ... на той базе, которая (раньше) была*.

Все же остальные прилагательные в Таблице 4 связаны с причастиями непереходных глаголов СВ, при этом преимущественно обозначающих предельные изменения состояния.

ПРИМЕЧАНИЕ. Можно заметить, что эти изменения в основном заключаются в уменьшении какого-то параметра, обычно воспринимаемом как ухудшение. Видимо, это отражает свойство многих естественных шкал: во-первых,

²⁰ Некоторые из употреблений, вошедших в это число, могли бы скорее трактоваться даже не как прилагательные, а как существительные со значением 'лицо, которому нанесен вред в результате совершения преступления'.

²¹ Л. П. Калауцкая даже утверждает, что среди адъективированных действительных причастий прошедшего времени глаголов НСВ «можно с уверенностью назвать только одно причастие *бывший*» [Калауцкая 1971: 113].

значения, находящиеся на их отрицательном полюсе, обладают большей стабильностью, во-вторых, именно отрицательный полюс чаще бывает абсолютным (ср. *совсем потухший*, но ?*совсем загоревшийся*).

Данные в Таблице 4 косвенно подтверждают гипотезу о том, что адъективация действительных причастий прошедшего времени коррелирует с использованием суффикса *-ш*, а не *-вш* [Калакуцкая 1971: 138]: в таблице такие образования составляют половину случаев, в то время как его словарная доля среди собственно причастий принципиально ниже. Это может быть связано как с тем, что у таких причастий, как у менее регулярных форм (см. п. 2.1.1), изначально имеются предпосылки для ослабления формальных парадигматических связей с финитными глагольными формами, так и с тем, что эти причастия в целом вытесняются из языка и, соответственно, в этой группе больше шансов сохраниться оказывается у единиц, развивших индивидуальные семантические особенности и приобретших самостоятельные — отличающиеся от глагольных — сочетаемостные связи.

ПРИМЕЧАНИЕ. То, что адъективации причастий способствует клишизация различных атрибутивных сочетаний, ведущая в конечном счете к ослаблению или утрате синтаксической соотнесенности, не вызывает сомнения. В Таблице 4 представлен целый ряд единиц, демонстрирующих такие тенденции: ср. коллокация *упавший голос* встречается в Корпусе 377 раз, в то время как *голос* оказывается подлежащим при сказуемом, выраженном финитной формой *упасть*, приблизительно 27 раз; то же соотношение наблюдается для выражения *наболевший вопрос* — 70 вхождений — и *вопрос наболел* — 2 или немногим более. При подсчетах в данном случае для именных групп искались только случаи контактного расположения с естественным порядком слов (определение перед определяемым), для глагольных сочетаний искались случаи употреблений двух слов на расстоянии не более 4 слов (в обоих возможных порядках) с последующим ручным отбором.

В число адъективированных действительных причастий прошедшего времени иногда включают некоторые образования с приставкой *под-*, выражающей значение ослабленности того признака, который возникает в результате действия, обозначаемого глагольной основой: *подхмелевший*, *подпухший*, *подвытвивший*. Л. П. Калакуцкая утверждает, что «словарями не зарегистрированы такие глаголы, как *подхмелеть*, *подпухнуть* и некоторые другие» [Калакуцкая 1971: 123]. В Корпусе финитные формы соответствующих глаголов все же фиксируются, однако они действительно гораздо менее частотны, чем образования, которые выглядят как действительные причастия прошедшего времени от этих глаголов (ср., например, 5 случаев употребления финитных форм глагола *подпухнуть* и 35 случаев употребления причастия — в разметке Корпуса — *подпухший*).

Осталось добавить, что в русском языке существует небольшая группа лексем, словообразовательно связанных с действительными причастиями прошедшего времени, но тем не менее не являющихся не только собственно причастиями, но и омонимами причастий.

Прежде всего это словообразовательные дериваты, имеющие в своем составе в качестве второго компонента действительные причастия прошедшего времени, а в качестве первого — компоненты *ново-* (ср. *новоприбывший, новопришедший, новопоступивший* — соответствующих глаголов в русском языке не существует, ср. *новоприбыть) или *полу-* (ср. *полувысохший, полузамерзший, полузатухший* и т. д.; эта модель является продуктивной) — финитные формы соответствующих глаголов также либо не фиксируются, либо фиксируются чрезвычайно редко. Реже в качестве первого компонента используются другие элементы наречного (*мнимоумерший, давнопрошедший*) или именного (*сумасшедший*) происхождения.

Наконец, стоит отметить существование прилагательных *падший* (ср. причастие и прилагательное *павший*), *увядший* (ср. причастие *увянувший* или изредка *увявший*) и *заблудший*. Существует точка зрения, согласно которой суффикс *-ш* в их составе отличается по своим свойствам от суффикса действительного причастия прошедшего времени [Иткин 2007: 196]. Однако по крайней мере первое из этих образований (*падший*) иногда используется в причастном значении, при этом как в старых, так и в современных текстах.

- (30) Весть о несчастье его произвела в Москве, в Новгороде, в Рязани действие двоякое: жалели о многих россиянах, *падших под знаменами литовскими*... [Н. М. Карамзин. История государства Российского (1809–1820)]
- (31) Там для таких *падших с разных высот* отвели комнату, где офицеры КГБ, сами себя обучившие психоанализу, определяли ценность посетителя, если тот предлагал свои услуги. [А. Азольский. Глаша (2003)]

Такие употребления подтверждают правомерность традиционной лексикографической практики: в словарях *падший* и *увядший* обычно описываются как прилагательные, омонимичные причастиям.

2.3.2. Субстантивация действительных причастий прошедшего времени

По сравнению с действительными причастиями настоящего времени (см. п. 1.3.2), для действительных причастий прошедшего времени

субстантивация характерна в незначительной степени. Это объясняется тем, что во всех образованиях, восходящих к действительным причастиям прошедшего времени, сохраняется идея предшествования некоего события «точке отсчета» (в отличие от субстантивов, связанных с действительными причастиями настоящего времени, которые в основном нейтральны в отношении семантики времени), что препятствует выветриванию глагольных компонентов семантики. Как и для действительных причастий настоящего времени, основную часть субстантивов составляют обозначения лиц (*пострадавший, воздержавшийся*). Среди таких субстантивов большой процент составляют обозначения скончавшихся: *почивший, погибший, павший, умерший* и др. Прочие субстантиваты единичны (в словаре [Зализняк 1977/2003] среди неодушевленных существительных, восходящих к действительным причастиям прошедшего времени, фиксируются только *минувшее, прошедшее, происшедшее*).

3. Противопоставление действительных причастий настоящего и прошедшего времени

В этом разделе обсуждается проблема темпорального, аспектуального и таксисного потенциала действительных причастий. При решении этой проблемы будет принято несколько условных допущений и упрощений.

1) Не будут рассматриваться такие сравнительно маргинальные образования, как действительные причастия будущего времени (см. о них п. 1.1.2) и «причастия сослагательного наклонения» типа *приведший бы*.

2) Мы будем исходить из того, что категория **вида** у действительных причастий в целом обладает тем же потенциалом, что и у финитных форм.

3) Мы будем исходить из того, что сам выбор действительного причастия в речи (в противоположность страдательным) не связан с аспектуальной, таксисной и темпоральной семантикой.

При принятии всех этих допущений поставленная в этом разделе проблема сведется к установлению характера противопоставления между действительными причастиями настоящего и прошедшего времени, то есть к выяснению природы грамматической **категории времени у действительных причастий**.

3.1. Краткий обзор существующих точек зрения на проблему категории времени действительных причастий

Проблема категории времени у причастий считается одной из наиболее сложных в русской грамматической семантике, ей посвящена обширная литература, однако консенсус в этих долгих дискуссиях так и не был достигнут, см. [Чуглов 1990]; [Демьянова 1991]; [Князев 2007: 479–482], а также обзор более ранних взглядов на проблему времени причастий в [Богданов и др. 2007: 530–531]; [Крапивина 2009: 11–12]; [Русскова 2008: 238–241].

Существуют исследователи, занимающие крайнюю позицию: они признают причастное время **относительным временем**, то есть утверждают, что граммы времени у причастий всегда выражают не отнесенность к объективному прошлому или настоящему, а предшествование или одновременность действия, выраженного причастием, действию, выраженному опорной формой. Впрочем, интересно, что иногда такое семантическое противопоставление постулируется не как грамматическое содержание категории времени причастий, а как значение вида у причастий, при этом для причастий глаголов СВ постулируется значение предшествования, а глаголов НСВ — одновременности [Буланин 1983: 106]²².

На другом полюсе находятся исследователи, которые считают, что причастия способны выражать **как абсолютное, так и относительное время**. Так, например, Н. А. Козинцева увязывает противопоставление этих двух возможностей с категорией вида, утверждая, в частности, что действительные причастия прошедшего времени глаголов СВ передают относительное время, а действительные причастия прошедшего времени глаголов НСВ выражают абсолютное время, и значение предшествования в них «обусловлено контекстом» [Козинцева 2003: 184–185]. Согласно А. Тимберлейку, действительные причастия настоящего времени глаголов НСВ выражают значение одновременности (относительное время), а причастия прошедшего времени тех же глаголов — значение «удаленного прошедшего»²³ (абсолютное время) [Timberlake 2004: 395].

---

²² Близкая проблема возникает также и при анализе деепричастий: в литературе представлены разные взгляды на то, есть ли у русских деепричастий категория времени и, если да, то каким образом она соотносится с видовым противопоставлением.

²³ В англоязычной терминологии — «remote past».

В каком-то смысле между этими двумя полюсами находятся те исследователи, которые считают, что в основном действительные причастия выражают именно относительное время, однако маргинально все же способны выражать и абсолютное время [Пешковский 2001: 127]; [Калакуцкая 1971: 8–25]; [Виноградов 1947/2001: 232].

Еще одна возможность «компромиссного» подхода представлена в работе К. А. Крапивиной, где противопоставление двух обсуждаемых типов интерпретации времени причастий увязывается с их **синтаксической позицией**. В частности, К. А. Крапивина утверждает, что «причастия в комплементативной функции (имеются в виду конструкции типа *увидел ее сидящей за столом* — С. С.) можно считать специфическим средством выражения таксисных отношений (причастия настоящего времени используются для выражения одновременности, причастия прошедшего времени — для выражения предшествования...)» [Крапивина 2009: 48]²⁴.

ПРИМЕЧАНИЕ. Это утверждение подтверждается в работе К. А. Крапивиной как корпусными примерами, так и экспериментальными данными. Так, в частности, приводятся данные, согласно которым респонденты оценивали как не вполне приемлемые конструкции типа *я впервые увидела своего мужа плакавшим на сцене* или *Рита считала ее умевшей жить*, то есть структуры, в которых причастия прошедшего времени обозначали события, одновременные действию опорной формы.

По всей видимости, однако, обобщение К. А. Крапивиной имеет статус сильной статистической тенденции, но не абсолютного правила. В отдельных случаях при комплементативном использовании действительных причастий глаголов НСВ в условиях одновременности действия, выраженного причастием, действию матричного глагола, употребленного в форме прошедшего времени, выбирается все же причастие прошедшего времени, как в следующем примере:

- (32) Я был в Лондоне в 1952 году и видел ее *стоявшей* на Темзе у Гринхита, рядом со старым «Уорчестером». [И. А. Ефремов. Катти Сарк (1942–1943)]

Последующее обсуждение будет посвящено проблеме времени действительных причастий, употребленных в согласующейся позиции, то есть в качестве определений. Это обсуждение будет нацелено на установление закономерностей, связывающих значения определенного набора

---

²⁴ Для других функций, по мнению К. А. Крапивиной, ситуация более сложна: в частности, в качестве рестриктивных определений причастия способны выражать как абсолютные, так и относительные значения времени.

семантических и грамматических параметров с выбором между действительными причастиями прошедшего и настоящего времени. В число контролируемых параметров будет входить:

- 1) вид глагола, от которого образуется причастие;
- 2) временной план, к которому относится действие, выраженное опорной формой;
- 3) временной план, к которому относится действие, выражаемое причастием;
- 4) таксисные отношения между ситуациями, выражаемыми причастием и опорной формой.

Разумеется, не все комбинации перечисленных признаков логически возможны. Например, сочетание таксисного значения одновременности (параметр 4) и отнесенности действия, выраженного опорной формой, к плану будущего (параметр 2) делает логически возможным только отнесенность действия, выражаемого причастием, также к плану будущего (параметр 3).

Предлагаемый подход отражает сложную природу изучаемого противопоставления, **не укладывающегося в обсуждаемую в литературе бинарную оппозицию: абсолютное время vs. относительное время.**

В п. 3.2 рассматриваются контексты, в которых выбор причастия того или иного времени относительно однозначно определяется семантическими параметрами. В п. 3.3 отдельно обсуждается такой класс контекстов («позиция конкуренции»), в которых грамматически приемлемы действительные причастия как настоящего, так и прошедшего времени, при этом выбор того или другого причастия не приводит к радикальному изменению значения.

При написании пунктов 3.2 и 3.3 использованы материалы следующих работ: [Русакова 2008]; [Русакова, Сай 2009].

3.2. Обязательный выбор действительных причастий прошедшего или настоящего времени

3.2.1. Действительные причастия глаголов СВ

У глаголов СВ причастие прошедшего времени не противопоставлено в рамках подсистемы действительных причастий никакому другому причастию (причастия настоящего времени от глаголов СВ не образуются, см. п. 1.1.3), поэтому в условиях, когда действительное причастие глагола СВ может быть употреблено, употребляется причастие прошедшего времени.

Закономерности использования действительных причастий от глаголов СВ будут рассматриваться по отдельности для случаев, когда действие, выражаемое опорной формой, относится к плану а) настоящего (п. 3.2.1.1), б) будущего (п. 3.2.1.2) или в) прошедшего времени (п. 3.2.1.3)²⁵.

В п. 3.2.2 аналогичное раздельное обсуждение будет представлено для действительных причастий глаголов НСВ.

3.2.1.1. Действительные причастия глаголов СВ при опорной форме в настоящем времени

Если **опорная форма относится к плану настоящего**, условия, необходимые для употребления действительного причастия глагола СВ, возникают только в ситуации, когда действие, выражаемое причастием, предшествует действию, выраженному опорной формой (и, следовательно, само относится к плану прошлого).

(33) В глухом имени живёт *потерявший* память помещик Коляя Коляич. [«Известия» (2003)]

Таким образом, схема семантических возможностей причастия прошедшего времени СВ при опорной форме, относящейся к плану настоящего, может быть представлена в виде Таблицы 5.

Таблица 5. Употребление действительных причастий СВ при опорной форме настоящего времени

абсолютное время причастия	относительное время причастия		
	предшествование	одновременность	следование
будущее			— *(34)
настоящее			
прошедшее	ПРОШ (33)		

²⁵ Для простоты на практике будут в основном использоваться контексты, в которых в качестве опорных выступают финитные формы прошедшего, настоящего или будущего времени в своем прямом значении. В действительности ключевую роль играют не конкретные граммемы, представленные в опорных формах, а именно их семантическая интерпретация. Однако сложные случаи (например, ситуации, когда в качестве опорной выступает форма будущего времени, обозначающая ситуацию, относящуюся к плану прошлого, и т. п.) рассматриваться не будут.

Здесь и далее в таблицах серым закрашены клетки, соответствующие невозможному сочетанию признаков. Так, например, для причастий СВ закрашены серым все клетки, соответствующее значению настоящего времени: отнесенность к абсолютному настоящему противоречила бы семантике совершенного вида в русском языке. Помимо этого, невозможны комбинации признаков, соответствующие левой верхней и правой нижней ячейке таблицы; действительно, в левой верхней клетке должны бы были отражаться такие случаи, когда действие, выраженное причастием, относилось бы абсолютному будущему, но при этом предшествовало бы действию, выраженному опорной формой, т. е. моменту речи, — такое сочетание логически противоречиво.

Сокращения ПРОШ (и ниже НАСТ) обозначают возможность употребления причастия соответствующего времени. В некоторых клетках (например, после символов ПРОШ или НАСТ) приводятся номера специальных примеров, если они имеются в тексте. Знак «→» соответствует мыслимой комбинации признаков, которые, однако, не могут быть выражены рассматриваемыми причастными формами, ср. для правой верхней клетки Таблицы 5:

- (34) Я вижу человека, ^{OK}который завтра уедет / ^{???}уедущего завтра / *уехавшего завтра.

3.2.1.2. Действительные причастия глаголов СВ при опорной форме в будущем времени

Если **опорная форма относится к плану будущего**, набор возможностей употребления действительных причастий глаголов СВ отражен в Таблице 6.

Как и в предыдущем случае, действие, относящееся к плану настоящего, априорно не может выражаться формой глагола СВ: это противоречит семантике русского вида. Далее, если действие, выражаемое причастием, относится к плану прошлого, то оно в данном случае автоматически является предшествующим по отношению к действию, выраженному опорной формой (поэтому две правые клетки в нижней строке закрашены серым как логически противоречивые). Наконец, действия, относящиеся к будущему (верхняя строка), логически могут вступать с действиями, выраженными опорной формой будущего времени, в отношения как предшествования, так и одновременности или следования. Таким образом, логически допустимыми в данном случае оказываются 4 комбинации признаков абсолютного и относительного времени. Возможность употребления действительных причастий СВ для этих случаев отражена в Таблице 6.

Таблица 6. Употребление действительных причастий СВ при опорной форме будущего времени

абсолютное время причастия	относительное время		
	предшествование	одновременность	следование
будущее	ПРОШ (35)	—	— ²⁶
настоящее			
прошедшее	ПРОШ (35)		

Две возможности, отраженные в Таблице 6, могут быть проиллюстрированы одним и те же примером:

(35) Приз получит первый *дозволившийся* слушатель.

Такое предложение может быть употреблено и в ситуации, когда какой-то зритель к моменту речи уже дозволился и теперь ему в будущем будет вручен приз (левая нижняя клетка), и в ситуации, когда звонок состоится в будущем и после того, как слушатель позвонит на радиостанцию, он получит приз (левая верхняя клетка).

3.2.1.3. Действительные причастия глаголов СВ при опорной форме в прошедшем времени

При опорной форме, относящейся к плану прошлого, действительное причастие СВ обычно соответствует действию, предшествующему тому, которое выражено опорной формой, и также относящемуся, таким образом, к плану прошлого:

(36) Как бы то ни было, Адриан немедленно объявил *почившего* любовника богом и даже назвал его именем одно из созвездий. [«Известия» (2002)] — смерть любовника предшествует объявлению его богом

В этом примере смерть любовника (ср. *почившего*) предшествовала тому, как он был объявлен богом, и, разумеется, относится к плану прошлого.

²⁶ В [Чуглов 1990: 59–60] говорится, что «действие названное причастием, будучи отнесенным к плану будущего, может и следовать за действием, названным финитной формой будущего времени». Однако единственный приводимый там пример содержит страдательное причастие (и допускает неоднозначную трактовку), а обнаружить контексты, соответствующие описанным условиям и содержащие действительное причастие, в Корпусе не удастся. Поэтому в этой и последующих таблицах в правом верхнем углу ставится знак «→», обозначающий грамматическую невозможность таких примеров.

Маргинально возможны случаи, когда причастие обозначает действие, в каком-то смысле одновременное тому действию, которое выражено опорной формой (и, таким образом, относящееся к плану прошлого в терминах абсолютного времени). Это происходит при возникновении тех отношений между двумя предикациями, которое иногда называют «псевдоодновременность» [Полянский 2001: 250–253] или «коинциденция» [Вимер 2004], например в контексте обстоятельств типа *тем самым, таким образом* и т. д.:

- (37) Теперь она служила одним из «доказательств» того, что именно в ту ночь Иден завербовал Молотова, *ставшего таким образом* ценнейшим агентом Интеллидженс сервис. [В. Бережков. Рядом со Сталиным (1998)]

В этом примере сама вербовка Молотова и представляет собой то событие, которое сделало его ценнейшим агентом, и в этом смысле об одновременности двух **отдельных** событий говорить невозможно: скорее речь о двух взглядах на одно и то же событие²⁷.

Изредка фиксируются и случаи, когда действие, выраженное причастным оборотом, следует за действием, выраженным опорной формой, но предшествует моменту речи. Это возможно, например, в случае присутствия в составе причастного оборота таких обстоятельств, как *позднее, после этого, спустя столько-то времени* (38), или в некоторых контекстах, в которых такое прочтение навязывается семантикой участвующих в конструкции глаголов, как в примере (39), где ситуация, обозначенная глагольной формой *любил*, прагматически может относиться только к моменту до того события, которое передается причастием *погибшего*.

---

²⁷ Содержательный анализ близких по свойствам случаев представлен в [Вяльсова 2008]. А. П. Вяльсова указывает, что при помощи средств, связанных с таксисом, могут выражаться не только пары ситуаций, объективно смежных во времени (такая ситуация обозначается в этой работе как одноплановость, ср. *открыв дверь, он вышел*), но и различные пары ситуации, отношения между которыми характеризуются разноплановостью. Частными случаями разноплановости являются, по А. П. Вяльсовой, во-первых, ситуации, когда соединяемые предикации относятся двум событиям, рассматриваемым в рамках разных модусов (например, *Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне*: здесь первое событие относится к перцептивному модусу, а второе — к ментальному), а во-вторых, случаи, когда соединяются два предиката, обозначающих одно и то же событие, но рассмотренное с позиций разных модусов (*Дэзи застеснялась и немного скокетничала, медленно подняв опущенные глаза*). Можно заметить, что к этому последнему случаю относятся, в частности, такие употребления причастий, которые можно назвать псевдоодновременными.

- (38) Вместе с этой партией приехал *ставший позднее* известным американский бизнесмен Арманд Хаммер как представитель фирмы Форда. [А. Микоян. Так было (1971–1974)]
- (39) Чаще всего невестки судятся со своими свекровьями, выясняя, кто больше любил *погибшего* горняка. (uga.dn.ua/24.12.2007/42816.html)

Рассмотренные возможности употребления причастий СВ в контексте опорной формы прошедшего времени сведены вместе в Таблице 7 (в скобках приводятся возможные, но редкие интерпретации, возникающие в силу взаимодействия с другими компонентами высказывания).

Таблица 7. Употребление действительных причастий СВ при опорной форме прошедшего времени

абсолютное время причастия	относительное время		
	предшествование	одновременность	следование
будущее			—
настоящее			
прошедшее	ПРОШ (36)	(ПРОШ) (37)	(ПРОШ) (38), (39)

Итак, при употреблении действительных причастий глаголов СВ в качестве точки отсчета обычно выступает действие, выраженное при помощи опорной формы, но в некоторых, требующих дальнейшего изучения, контекстах, ею становится момент речи.

3.2.2. Действительные причастия глаголов НСВ

От глаголов НСВ могут быть образованы как причастия прошедшего времени, так и причастия настоящего времени; соответственно, возникает вопрос о закономерностях выбора между двумя причастиями в зависимости от свойств контекста и выражаемого смысла. Как будет показано ниже, в целом закономерности выбора между действительными причастиями настоящего и прошедшего времени сводятся к тому, что причастие настоящего времени **может** быть использовано при выполнении **хотя бы одного** из следующих двух условий: 1) причастие обозначает действие, имеющее место в момент наблюдения; 2) действие, выражаемое причастием, одновременно действию, выражаемому опорной формой. Существенно, что второе условие не всегда является достаточным для выбора именно причастия настоящего времени. Примечательный факт состоит в том, что временная характеристика опорной формы, как можно видеть по приведенным обобщениям, не оказывает прямого воздействия на выбор между

двумя причастиями. Обрисованная сложная картина не позволяет свести противопоставление между двумя сопоставляемыми типами причастий к оппозиции по линии только абсолютного или только относительного времени (и, таким образом, сложно говорить о том, что категория времени у действительных причастий «выражает» один или другой тип противопоставлений). Для того чтобы убедиться во всем сказанном, необходимо последовательно рассмотреть различные типы сочетаний релевантных признаков, что и предпринимается в последующих разделах.

3.2.2.1. Действительные причастия глаголов НСВ при опорной форме в настоящем времени

Проще всего обстоит дело в случае, если в качестве опорной выступает форма настоящего времени: здесь значения абсолютного и относительного времени неразличимы, как видно по следующим примерам.

- (40) Я знаю людей, *следующих* такой диете и очень довольных ею. [И. И. Мечников. Этюды о природе человека (1903–1915)]
- (41) Но никто, включая и нас с вами, не знает имен русских садовников, *творивших* чудеса на российской земле. [«Ландшафтный дизайн» (2001)]

В этом случае причастие настоящего времени используется тогда, когда выражаемое им действие одновременно действию, обозначаемому опорной формой, и моменту речи, т. е. относится к плану настоящего. Причастие прошедшего времени используется в случае предшествования действию, обозначаемому опорной формой, и моменту речи, т. е. в случае отнесенности к плану прошлого, см. Таблицу 8:

Таблица 8. Употребление действительных причастий НСВ при опорной форме настоящего времени

абсолютное время причастия	относительное время		
	предшествование	одновременность	следование
будущее			—
настоящее		НАСТ (40)	
прошедшее	ПРОШ (41)		

3.2.2.2. Действительные причастия глаголов НСВ при опорной форме в будущем времени

В контекстах, где в качестве опорной формы используется форма будущего времени, выбор действительных причастий глаголов НСВ немного

сложнее. В случае предшествования действия, выраженного причастием, действию, обозначаемому опорной формой, обычно используется причастие прошедшего времени:

- (42) Там *будут* люди, *знавшие* Назарова лучше меня, они вам расскажут о нем много любопытного. [Л. Дворецкий. Шакалы (2000)]²⁸

Однако в случае, если при помощи причастного оборота обозначается действие, имеющее место в настоящем говорящего, в подавляющем большинстве случаев²⁹ используется причастие настоящего времени:

- (43) Подарков прибывает, и если так пойдет дальше, мы реально обеспечим всех *работающих* сегодня хотя бы над поправками в закон «Соглашение о разделе продукции» всем необходимым для честной жизни. [«Новая газета» (2003)]

Достаточно трудно оказывается найти естественные примеры, соответствующие такой сложной семантике, как предшествование будущего действия, выраженного причастием НСВ, действию, выраженному опорной формой будущего времени (см. об этой комбинации признаков в [Чуглов 1990: 58]). Однако конструирование подобных высказываний показывает, что если причастие в таких случаях и может употребляться, то это должно быть причастие прошедшего времени:

- (44) {В сентябре студенты будут проходить практику в школе}. В октябре все студенты, *работавшие* (*работающие) в школе, должны будут отчитаться о работе.

ПРИМЕЧАНИЕ. Обсуждаемое сочетание признаков наблюдается в следующем примере из Корпуса, в котором, впрочем, опорная форма будущего времени использует в гипотетическом значении:

- (45) Эти же группы отдельных слов ... могут служить для первых письменных упражнений, которыми должны всегда сопровождаться упражнения в изустном слове и чтении. По окончании чтения учитель приказывает ученикам написать по три, по четыре названия игрушек и учебных вещей. Дети,

²⁸ Нормальное прочтение этого высказывания предполагает, что *Назарова* к моменту речи уже нет в живых.

²⁹ На самом деле встречаются единичные примеры, в которых отражено своеобразное раздвоение точек отсчета, взгляд на «сейчас» говорящего из воображаемого будущего: *И вспомнят ли тогда о нас, живших в смутные времена...* (сетевой литературный журнал gusedin.ru). Такие употребления носят несколько искусственный характер, они характерны для футурологического дискурса.

читавшие внимательно, *напишут* без ошибки. [К. Д. Ушинский. Родное слово. Книга для учащихся. (1864)]

За пределами Корпуса найти естественные примеры, которые полностью удовлетворяют сформулированным условиям, несколько проще. В них также используются причастия прошедшего времени:

- (46) С этого поста прошу перестать комментировать мою личную жизнь, впоследствии комменты будут удаляться а *писавшие* будут занесены в игнор (<http://mylove.ru>)

Наконец, при опорной форме будущего времени может наблюдаться и таксис одновременности (или псевдоодновременности). В таких случаях глагол НСВ выступает в форме причастия настоящего времени:

- (47) Предполагается, что в поликлиниках или на крупных предприятиях медики станут проводить циклы занятий, на которых научат *присутствующих*, как «убеждать» от инфаркта. [«Вечерняя Москва» (2002)]

Таким образом, весьма сложные закономерности употребление действительных причастий глаголов НСВ в контексте **опорной формы будущего времени** могут быть представлены в Таблице 9.

Таблица 9. Употребление действительных причастий НСВ при опорной форме будущего времени

абсолютное время причастия	относительное время		
	предшествование	одновременность	следование
будущее	?ПРОШ (44)	НАСТ (47)	—
настоящее	НАСТ (43)		
прошедшее	ПРОШ (42)		

3.2.2.3. Действительные причастия глаголов НСВ при опорной форме в прошедшем времени

Осталось рассмотреть употребление действительных причастий глаголов НСВ **в контексте опорных форм прошедшего времени**. Здесь логически возможно 5 комбинаций признаков относительного и абсолютного времени:

- 1) относительное следование и абсолютное прошедшее;
- 2) относительное следование и абсолютное настоящее;
- 3) относительное следование и абсолютное будущее;
- 4) относительная одновременность и абсолютное прошедшее;
- 5) относительное предшествование и абсолютное прошедшее.

В случаях 1) и 2) причастия выбираются в соответствии со значением абсолютного времени:

- (48) И начался «исход», *продолжавшийся* примерно до 1910 года и приведший в 1907 году к некомплекту в офицерском составе армии до 20 %. [А. И. Деникин. Путь русского офицера (1953)]
- (49) В том убийстве, которое совершил человек, *находящийся* перед вами, мы тщетно стали бы искать какой-либо романтической причины. [Г. Газданов. Возвращение Будды (1950)]

Ситуация типа 3), как и другие случаи, когда необходимо обозначить будущее действие, **следующее** за действием, выражаемым опорной формой, видимо, не может выражаться при помощи причастия:

- (50) Декан обратился с речью к студентам, *которые будут учиться* (#*учащимся* / #*учившимся*) на факультете.

В ситуации типа 5), то есть когда отношения между двумя предикациями соответствуют таксису **предшествования**, при этом оба действия относятся к плану прошедшего, облигаторно используется причастие прошедшего времени (то есть причастие настоящего времени невозможно) при выполнении хотя бы одного из двух условий: а) действие, выражаемое причастием, находится в таксисных отношениях дистантного предшествования с действием, выражаемым опорной формой, как в примере (51), или б) при причастии употребляются обстоятельства типа *до этого, до тех пор* и т. д. (даже если действие, выражаемое этим причастием, находится в таксисных отношениях контактного или прерывающего предшествования), как в примере (52).

- (51) Он пролежал несколько минут с закрытыми глазами, а когда открыл их, то увидел стоявшего за спиной Серпилина давешнего, *подходившего* к нему в лесу долговязого политука из газеты. [К. Симонов. Живые и мертвые (1955–1959)] — ср. **давешнего, подходящего к нему...*
- (52) Сказанное Матвеем было настолько твердо и определено, что, кажется, даже заглух *шумевший до этого* самовар на столе. [Е. Пермяк. Бабушкины кружева (1955–1965)] — ср. **шумящий до этого...*

Сложнее всего обстоит дело в ситуации типа 4), то есть тогда, когда при помощи действительного причастия глагола НСВ необходимо обозначить действие, **одновременное** действию, выраженному опорной формой прошедшего времени. В таких случаях грамматически возможны (и часто

семантически более или менее эквивалентны друг другу) оказываются и причастия настоящего времени, и причастия прошедшего времени, как в следующем сконструированном примере:

(53) Я хорошо видел человека, *выходящего* / *выходившего* из дома напротив.

Подобные употребления будут далее рассматриваться как **позиция конкуренции** между действительными причастиями настоящего и прошедшего времени.

Позиция конкуренции наблюдается также и в случае, если между действием, выражаемым причастием, и действием, выражаемым опорной формой, устанавливаются отношения предшествования, но при этом не выполняется ни названное выше условие а), ни условие б), то есть в случае наличия отношений контактного или прерываемого таксиса и при отсутствии обстоятельств типа *до этого*, *до тех пор*. Закономерности, связанные с выбором причастия в позиции конкуренции, будут рассмотрены в п. 3.3.

Теперь можно суммировать правила выбора между действительными причастиями настоящего и прошедшего времени глаголов НСВ при опорной форме прошедшего времени.

Таблица 10. Употребление действительных причастий НСВ при опорной форме прошедшего времени

абсолютное время причастия	относительное время		
	предшествование	одновременность ³⁰	следование
будущее			— *(50)
настоящее			НАСТ (49)
прошедшее	ПРОШ (51), (52)	НАСТ / ПРОШ (53)	ПРОШ (48)

3.2.3. Строгие закономерности, касающиеся выбора действительных причастий настоящего / прошедшего времени: обобщение

Если абстрагироваться от некоторых упомянутых выше сложных случаев, а также от проблемы выбора причастия в позиции конкуренции, обсуждаемой ниже, то выбор причастий при всех рассмотренных до сих пор

³⁰ Или контактное / прерываемое предшествование.

комбинациях признаков (как для причастий глаголов СВ, так и для причастий НСВ) может быть представлен в виде следующей сводной таблицы.

Таблица 11. Употребление действительных причастий настоящего и прошедшего времени: сводные данные

абсолютное время причастия	относительное время		
	предшествование	одновременность	следование
будущее	ПРОШ	НАСТ	—
настоящее	НАСТ	НАСТ	НАСТ
прошедшее	ПРОШ	НАСТ / ПРОШ	ПРОШ

Как показывает эта таблица, правила выбора между причастиями настоящего и прошедшего времени можно описать, **не апеллируя к такому параметру, как грамматическая форма опорного предиката**. Также эта таблица показывает, почему не дают убедительного результата дискуссии о том, выражает ли грамматическая категория времени действительных причастий абсолютное **либо** относительное время: свести обнаруженные закономерности к какой-то одной из этих двух трактовок принципиально невозможно.

Необходимым условием для употребления действительного причастия настоящего времени является истинность одного из двух утверждений: 1) причастие обозначает действие, имеющее место в момент наблюдения, 2) действие, выражаемое причастием, одновременно действию, выражаемому опорной формой. При одновременном несоблюдении обоих этих условий могут использоваться только причастия прошедшего времени (однако при обозначении события в будущем, следующим за другим событием, относящимся к плану будущего, причастия использоваться не могут).

В большинстве случаев соблюдение любого из названных условий 1) и 2) оказывается и достаточным основанием для употребления причастия настоящего времени. Исключением является позиция конкуренции, рассматриваемая в следующем разделе (п. 3.3): в ней возможны как причастия настоящего времени, так и причастия прошедшего времени.

Из всего сказанного можно заключить, что настоящее говорящего обладает совершенно особым статусом по отношению к выбору между синхронной и ретроспективной точкой отсчета (см. об этом противопоставлении [Падучева 1996]): говоря о событиях, не совпадающих с его «здесь» и «сейчас», говорящий может сменить точку отсчета и рассматривать их синхронно, «изнутри», однако для обозначения событий настоящего грамматически обязательны оказываются причастия настоящего времени, а взгляд «со стороны» оказывается (почти, см. сноску 28 в п. 3.2.2.2) невозможен.

3.3. Выбор между действительными причастиями прошедшего и настоящего времени в позиции конкуренции

В этом разделе будут рассмотрены закономерности выбора между причастиями настоящего и прошедшего времени в позиции конкуренции (правила обязательного выбора одной из временных форм причастий см. в п. 3.2). **Необходимыми признаками** рассматриваемой позиции конкуренции причастий являются следующие:

1) опорная форма относится к плану прошедшего (для простоты будут рассматриваться только случаи, когда она является морфологической формой глагола прошедшего времени);

2) зависимый предикат выражен действительным причастием, образованным от глагола НСВ;

3) два действия находятся в таксисных отношениях одновременности или контактного / прерываемого предшествования (действие, выраженное причастием, предшествует действию, выраженному опорной формой).

ПРИМЕЧАНИЕ. Частные статистические закономерности, касающиеся выбора причастия в позиции конкуренции, преимущественно устанавливались путем анализа выдач, полученных по «стандартному запросу»: глагольная форма изъяснительного наклонения в форме прошедшего времени, расстояние в 1 или 2 слова (т. е. контактное расположение или ровно одно слово, стоящее между запрашиваемыми формами), действительное причастие глагола НСВ. Разумеется, не всякий пример, полученный по такому запросу, содержал «позицию конкуренции» (по этой причине во многих случаях при решении конкретных задач использовалась ручная фильтрация примеров). Также, разумеется, далеко не все примеры, в которых есть позиция конкуренции, могут быть получены по этому запросу. Тем не менее, для выявления параметров, влияющих на вероятность выбора причастий настоящего vs. прошедшего времени, работа с выдачами, полученными по описанному запросу, оказалась продуктивна.

Реальность позиции конкуренции хорошо иллюстрируется примерами, в которых ситуации с близкими акциональными характеристиками и временной референцией выражаются действительными причастиями настоящего и прошедшего времени, выступающими в качестве однородных членов предложения (54) или, шире, в семантически параллельных контекстах (55):

(54) Как сейчас помню, стрижка стоила пять рублей, громадные деньги для меня, *получавшей* тогда сто целковых и *воспитывающей* в одну ночь мальчика (Д. Донцова. Привидение в кроссовках)

- (55) Сии десять играли на трубах; за ними следовали шестеро, *имевшие* на долгих древках по скелету, а за сими выступали двое, *несущие* на древках земной шар <...> [М. Д. Чулков. Пересемешник, или Славенские сказки (1766–1768)]

Более того, согласно подсчетам, приведенным в [Русакова, Сай 2009: 258], эта позиция является и весьма частотной, составляя около 26 % всех случаев употребления действительных причастий НСВ³¹. В той же статье изучаются и основные факторы, влияющие на выбор причастия в позиции конкуренции. Здесь будут приведены основные количественные распределения, приведенные в статье, а также те выводы этого исследования, которые касаются использования собственно причастий, то есть причастий, не подвергшихся адъективации. Здесь не будут рассматриваться факторы, связанные с отсутствием или затруднительностью образования необходимых **форм** причастий настоящего или прошедшего времени (см. об этом п. 1.1.2 и п. 2.1.2).

3.3.1. «Сильные» факторы

В наибольшей степени на выбор между причастием настоящего и прошедшего времени в позиции конкуренции влияют акциональные и / или модальные характеристики ситуации, обозначаемой причастием.

A1) В случае, когда действие, выражаемое причастием, имеет **хабитуальный** характер (значение ‘регулярного повторения’), практически всегда используется причастие прошедшего времени, как в следующем примере:

- (56) Сперва рядом с ним сидел краснолицый солидный господин, каждые две минуты *подзывавший* стюардессу и *просивший* красенького. [В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный (2000)]

A2) Если действие, обозначенное причастием, имеет **вневременной** характер (например, относится к числу предикатов индивидуального уровня), почти всегда используется причастие настоящего времени:

- (57) Ко мне уж не раз подходил один *говорящий* по-французски индеец. [И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]

---

³¹ Данные получены путем экспертной оценки первых 500 примеров, выданных по запросу «действительное причастие НСВ» при обращении к Подкорпусу текстов, созданных в 2004 г. Согласно экспертной оценке, причастия использовались в позиции конкуренции (т. е. в принципе могли бы быть заменены на причастие другого времени без существенного изменения смысла) в 130 из этих примеров.

Именно по поводу таких случаев Н. М. Лисина справедливо отмечает, что, если попробовать заменить причастия настоящего времени причастиями прошедшего времени, то значение вневременного признака исчезнет и такая замена переведет «повествование в план конкретной ситуации» [Лисина 1986: 78].

ПРИМЕЧАНИЕ. Встречаются тем не менее отдельные примеры типа (58), в которых при наличии обсуждаемых семантических признаков используется действительное причастие прошедшего времени.

- (58) Когда он уезжал из Японии, где принято дарить подарки гастролёрам, заместитель импресарио Адзумо-сан, *говоривший* по-русски, преподнёс Арнольду Григорьевичу жемчужное ожерелье для его жены Нины Николаевны. [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)]

Для таких ситуаций типично использование причастий в функции нерестриktivного определения, как в приведенном примере.

А3) В случае, когда действие, обозначаемое причастием, не относится к реальному плану, то есть лежит в области **ирреалиса**, например, в качестве определяемого при причастии используется имя, имеющее нереферентный статус, почти всегда используется причастие настоящего времени.

- (59) Вся обшивка была прорвана, набивка выброшена на пол, и пружины высывались, как *готовящиеся* к укусу змеи. [И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев (1927)]

3.3.2. «Слабые» факторы

До сих пор были перечислены факторы, которые делают почти невозможным употребление одного из причастий в позиции конкуренции. Существуют также факторы, лишь статистически коррелирующие с выбором между причастиями. К их числу относятся следующие: Б1) индивидуальные предпочтения автора; Б2) время создания текста; Б3) характер таксисных отношений; Б4) наличие у причастия зависимых; Б5) порядок слов; Б6) наличие обстоятельств времени типа *тогда*.

Б1) **Индивидуальные предпочтения автора.** Выбор причастия в позиции конкуренции не регламентирован правилами и устоявшимися грамматическими закономерностями. Видимо, именно поэтому здесь наблюдается огромный разброс в неосознаваемых предпочтениях среди носителей русского языка. Так, например, в текстах Пушкина причастие прошедшего времени выбирается в позиции конкуренции только в 10 % случаев, а в текстах Гоголя — в 71 %.

Б2) Время создания текста. В современных текстах, представленных в Корпусе, в позиции конкуренции преобладают причастия настоящего времени, они составляют 70–80 % случаев. Однако в предшествующие периоды ситуация в этом фрагменте грамматики быстро менялась. В середине XVIII века доля причастий прошедшего времени была минимальной, затем в течение долгого времени (примерно до последней трети XIX века) она стабильно росла, на какое-то время превысив 50 %, а далее с началом века двадцатого вновь начала снижаться, при этом снижение продолжалось на протяжении всего XX века и, возможно, продолжается сейчас. Количественные данные представлены в Таблице 12.

ПРИМЕЧАНИЕ. Учитывались только употребления причастий в позиции конкуренции (в качестве эксперта, оценивавшего конкретные выдачи как содержащие или не содержащие позицию конкуренции, выступала М. В. Русакова). Для текстов, созданных до 1927 г., была создана **полная** база данных по выдачам, для более поздних текстов использовались своеобразные «зонды»: запросы производились по подкорпусам текстов, созданных в отдельные сравнительно короткие периоды времени.

Таблица 12. Выбор причастия в позиции конкуренции: динамика за XVIII–XXI вв.³²

	НАСТ	ПРОШ	% причастий прошедшего времени
1739–1770	56	3	5,1 %
1773–1800	75	11	12,8 %
1803–1816	259	55	17,5 %
1821–1830	278	87	23,8 %
1831–1840	280	202	41,9 %
1841–1850	292	206	41,4 %
1851–1860	317	262	45,3 %
1861–1870	691	875	55,9 %
1871–1880	343	499	59,3 %
1881–1890	296	421	58,7 %
1891–1900	453	588	56,5 %
1901–1910	586	368	38,6 %
1911–1920	606	352	36,7 %
1921–1927	1032	559	35,1 %
1958–1960	343	156	31,3 %
1979–1980	241	89	27,0 %
2004–2006	1032	297	22,4 %

³² Таблицы 12–14 воспроизводятся из [Русакова, Сай 2009].

Б3) Характер таксисных отношений. Как уже было сказано, позиция конкуренции фиксируется не только в ситуации одновременности, но и при таксисных отношениях контактного или прерываемого предшествования, то есть в случаях, когда ситуация, обозначаемая причастием, продолжается вплоть до начала ситуации, обозначаемой опорной формой, при этом либо естественным образом сменяется ею (контактное предшествование), либо прерывается ею, т. е. прекращается как раз из-за (начала) действия, обозначенного опорной формой. То, что в подобных случаях может наблюдаться конкуренция между причастиями, показывает следующая пара близких по смыслу примеров, в которых, тем не менее, используются разные причастия:

- (60) Начальник разбудил *ставших* воинов и, послав их к рулевым веслам, сам встал рядом с Пандионом. [И. Ефремов. На краю Ойкумены (1945–1946)]
- (61) Воротились только глубокой ночью, разбудили *спящих* приятелей и с жаром рассказывали недоумевающим полусонным Андрееву и Лопарю, как прекрасно встретили их на «передовых позициях» (это произносилось с гордостью неимоверной!) [Д. А. Фурманов. Чапаев (1923)]

Однако в таких ситуациях вероятность выбора причастия прошедшего времени существенно выше [Русакова, Сай 2009: 271], чем при одновременности действий, выраженных причастием и опорной формой.

Б4) Наличие у причастия зависимых. В данном случае рассматривались только случаи препозитивного использования причастия, как в (62) и (63), так как в одиночные причастия в постпозиции почти никогда не используются.

В Таблице 13 приводятся данные, показывающие, что для одиночных причастий в позиции конкуренции вероятность выбора причастия настоящего времени принципиально выше, чем для причастных оборотов.

ПРИМЕЧАНИЕ. Гипотеза проверялась на материале текстов 1950–1955 гг. при помощи «стандартного запроса». Из выдач были исключены случаи препозитивного по отношению к вершине использования причастия, так как одиночные причастия в этой позиции почти никогда не используются. Также вручную были удалены причастия, «подозреваемые» на адъективацию.

Таблица 13. Связь между наличием у причастия зависимых и выбором причастия в препозиции (тексты 1950–1955 гг.)

	НАСТ	ПРОШ	% причастий прошедшего времени
одиночное причастие	93	28	23,1 %
причастный оборот	56	123	68,7 %

Предпочитаемые комбинации признаков — одиночное причастие настоящего времени и причастие прошедшего времени с зависимыми — проиллюстрированы в примерах (62) и (63).

- (62) Чуть скрипнула дверь, Андрей поднял глаза и увидел *входящего* Григорьева. [Д. Гранин. Искатели (1954)]
- (63) Сначала ей показалось, что все тихо, но потом она услышала *доносившееся из второй комнаты* прерывистое дыхание [К. Симонов. Живые и мертвые (1955–1959)]

Б5) Порядок слов. Этот признак тесно связан с предыдущим, так как одиночные причастия используются почти исключительно в препозиции. Тем не менее, даже если рассматривать только причастные обороты (они способны оказываться как в препозиции, так и в постпозиции), слабая связь между линейной позицией и выбором причастия все же обнаруживается: в оборотах, находящихся в препозиции, с большей вероятностью, чем в постпозитивных оборотах, выбирается причастие настоящего времени. Количественные данные, полученные на том же подкорпусе и по тем же запросам, что и в предыдущем пункте, приводятся в Таблице 14.

ПРИМЕЧАНИЕ. В данном случае, естественно, вручную не удалялись причастные обороты, находящиеся в постпозиции, зато были удалены одиночные причастия (для того чтобы не завышать долю причастий настоящего времени у препозитивных причастий из-за склонности одиночных причастий к препозиции и корреляции между отсутствием зависимых и выбором настоящего времени).

Таблица 14. Связь между выбором причастия в составе причастного оборота и позицией по отношению к определяемому (тексты 1950–1955 гг.)

	НАСТ	ПРОШ	% причастий прошедшего времени
препозиция	56	123	68,7 %
постпозиция	24	65	73,0 %

Как видно по приведенным данным, для причастных оборотов положение перед глаголом повышает, хотя и незначительно, вероятность выбора причастия настоящего времени. Та же закономерность была дополнительно

подтверждена в ходе эксперимента с носителями языка, описанного в [Русакова, Сай 2009: 274].

Б6) Наличие обстоятельств времени типа *тогда, в тот момент* и т. п., как в примере (64), увеличивает вероятность выбора причастия прошедшего времени.

(64) Из соседней комнаты вышел полковник, *исполнявший в то время* обязанности исправляющего начальника штаба и интенданта. [К. М. Станюкович. Севастопольский мальчик. Повесть из времени Крымской войны (1902)]

Рассмотренные в п. 3.3.1 и п. 3.3.2 факторы могут быть частично обобщены следующим образом: выбор причастия настоящего времени отражает большую степень адъективации, если последнюю понимать широко, то есть не как одномоментную смену частеречной принадлежности, а как постепенное ослабление у причастия глагольных свойств, связанных с локализацией конкретного события во времени и пространстве и с наличием ожидаемых для глагола зависимых, и одновременное усиление свойств, характерных для прилагательного (ср. факторы А1, А2, А3; Б3, Б4, Б6).

4. Действительные причастия в ряду средств релятивизации подлежащего

Действительные причастия являются одним из средств релятивизации подлежащего. Таким образом, во многих случаях конструкции с действительными причастиями, как многократно отмечалось в литературе, оказываются денотативно близки другим средствам релятивизации, прежде всего относительным предложениям с союзным словом *который* в именительном падеже, ср. примеры, обсуждаемые Н. М. Лисиной [Лисина 1986: 86]:

(65) Автомашины, *рассекая застоявшийся воздух, поднимали лежащий на мостовой и на тротуарах пух.*

(66) Автомашины *⟨...⟩ поднимали пух, который лежал на мостовой и на тротуарах.*

Из сказанного следует, что описание свойств действительных причастий будет неполным без выяснения тех особенностей, которыми обладают

эти причастия в ряду средств релятивизации подлежащего. Этому вопросу посвящено исследование М. А. Холодиловой, проведенное на материале Корпуса [Холодилова 2014] (см. также [Холодилова 2009; 2011]). Настоящий раздел представляет собой краткое изложение основных выводов этого исследования (все примеры в этом разделе также заимствованы из работ М. А. Холодиловой).

М. А. Холодилова показывает, что на две наиболее частотные стратегии релятивизации подлежащего (с действительным причастием и с союзным словом *который*) приходится более 90 % случаев релятивизации, а все остальные стратегии релятивизации оказываются несоизмеримо менее частотными. В связи с этим в дальнейшем изложении конструкции с действительными причастиями будут обсуждаться именно на фоне относительных предложений с *который*. Ниже будут описаны факторы, которые абсолютно или статистически связаны с одной из этих двух стратегий. Здесь не будут обсуждаться случаи отсутствия или ослабления конкуренции, обусловленные отсутствием или затруднительностью образования **формы** необходимого причастия (см. о них п. 1.1.3 и п. 2.1.3)³³.

1) **Сфера функционирования текста.** Причастия в гораздо большей степени характерны для письменных, чем для устных текстов. По подсчетам М. А. Холодиловой, в Основном корпусе, где в основном представлены письменные тексты, на долю причастной стратегии приходится 68,1 % случаев релятивизации подлежащего, а в Устном подкорпусе — лишь 35,6 % (в обоих случаях рассматривались тексты, созданные в 2005–2007 годах).

Связь причастий с письменной формой речи, с формальными регистрами, с высокой культурой речи, их «книжный» характер многожды отмечалась в литературе (см., например, недавнее обсуждение в [Рожкова 2011]); это наблюдение кочует из работы в работу со времен М. В. Ломоносова).

2) **Наличие вершины.** Причастия могут использоваться как в конструкциях с именной вершиной, так и в конструкциях без вершины.

---

³³ Можно также заметить, что в отличие от причастных оборотов, которые могут находиться как в препозиции, так и в постпозиции к вершинному имени, придаточные предложения с *который* используются почти исключительно в постпозиции. Следовательно, если бы мы расценивали порядок слов как независимый параметр, а выбор стратегии релятивизации — как зависимый, то можно было бы сказать, что препозиция относительного оборота является мощнейших фактором, коррелирующим с выбором причастной стратегии. Впрочем, такое моделирование причинно-следственных связей в этой области едва ли может считаться оправданным.

Относительные предложения с *который* в литературном языке используются почти исключительно с вершинами, выраженными именем³⁴. Соответственно, причастные обороты, использованные без определяемого, не могут быть заменены на относительные обороты с *который*³⁵:

- (67) Если кто-то вдруг и спросит, как его зовут, он не сможет остановиться и в спешке выкрикнет первое *пришедшее в голову*. [Ю. Буйда. Город палачей (2003)] — Ср.: *...*выкрикнет первое, которое придет в голову*

3) **Значения ирреальности и временного следования.** Здесь не обсуждаются маргинальные действительные причастия, которые можно было бы трактовать как действительные причастия будущего времени (см. п. 1.1.3) и как действительные причастия сослагательного наклонения (см. [Сай 2016а: 365–370]). То, что такие причастия маргинальны, не означает, однако, что те относительные предложения, при помощи которых релятивизируется подлежащее и в составе которых при этом используются личные формы сослагательного наклонения или будущего времени, никогда не могут быть заменены оборотами с действительными причастиями. В самом деле, обычные действительные причастия настоящего или прошедшего времени могут обозначать такие ситуации, при обозначении которых финитными формами потребовались бы эксплицитные маркеры будущего времени (см. п. 3.2) или сослагательности.

Однако существуют и такие ситуации, когда релятивизация подлежащего не может быть осуществлена при помощи причастия именно из-за отсутствия в системе необходимой грамматической формы. Во-первых, это случаи, когда необходимо обозначить действие, которое относится к плану будущего и следует за действием, выраженным глаголом в главной клаузе, что уже упоминалось (см. п. 3.2):

---

³⁴ Здесь не обсуждаются случаи, когда вершина-существительное подвергается эллипсису; в таких ситуациях использование придаточного предложения с *который* возможно: *Он назвал сумму вдвое больше той, которая значилась в чеке*. [И. Грекова. Перелом (1987)], ср.: *больше той суммы, которая значилась в чеке*.

³⁵ В данном разделе рассматривается конкуренция именно между причастиями и придаточными относительными с *который*. Невозможность придаточных с *который* в подобных случаях не означает, что необходимый смысл может быть выражен только при помощи причастного оборота: в таких контекстах возможны другие способы оформления придаточного, ср. *первое, что придет в голову*.

- (68) На местных заводах у нас есть собственные кадры, *которые отлично справятся с монтажом и наладкой!* [«Бизнес-журнал» (2004)] — Ср.: ...#кадры, *отлично справившиеся с монтажом и наладкой*

Во-вторых, это случаи, когда действие, обозначенное глаголом, относится к плану будущего и при этом от глагола зависит обстоятельство времени с шифтерным компонентом:

- (69) 150 сценических коллективов из 50 стран примут участие во Всемирной театральной олимпиаде, *которая завтра откроется в Москве.* (Google) — Ср.: *... *во Всемирной театральной олимпиаде, завтра открывшейся в Москве*

4) **Длина относительной клаузы; количество и характер зависимых глагола.** Большая длина относительной клаузы коррелирует с использованием относительных предложений с *который*, а не причастных оборотов. Другой близкий фактор, также коррелирующий с выбором относительного предложения с *который*, — это количество зависимых у глагола. Эти два фактора, разумеется, тесно связаны друг с другом, однако удастся показать, что каждый из них связан с обсуждаемой конкуренцией независимо от действия другого, см. об этом в [Холодилова 2014].

Помимо этого, существуют такие зависимые глагола, наличие которых особенно сильно коррелирует с выбором именно относительных конструкций с *который*. К числу таких зависимых относятся в инфинитивы, вводные слова, деепричастия. Так, например, в Синтаксическом подкорпусе представлен всего один несомненный пример, в котором от действительного причастия зависит деепричастие:

- (70) «При этом медики не привыкли считать и могут купиться на уловки фирм, *«удешевляющих»* лекарство, *вкладывая* в упаковку меньшее число таблеток, — рассказывает он. [Что доктор прописал]

При этом таких примеров, где деепричастие зависит от финитного сказуемого в придаточном с относительным местоимением *который* в именительном падеже, в том же подкорпусе гораздо больше (по меньшей мере 33) [Холодилова 2014].

5) **Наличие маркера отрицания** статистически значимо коррелирует с выбором относительного предложения. Частица *не* фиксируется при 5,4% сказуемых обсуждаемых относительных оборотов, 4,0% постпозитивных причастных оборотов и всего 1,5% препозитивных причастных оборотов.

6) **Сочинение глаголов** коррелирует с выбором относительного предложения. Другими словами, соотношение частотностей структур типа (71)

и (72) увеличено в пользу относительного предложения по сравнению с соотношением соответствующих частотностей при отсутствии сочинения.

(71) Он был лишен повадок томного романтического гения, *который творит* при свечах и в каждой женщине *видит* музу. [Ежедневная симфония]

(72) Эта непонятно отчего *возникшая* южнее и все *усиливавшаяся* стрельба будила тревогу. [Мертвые сраму не имут]

7) Наблюдается слабая положительная корреляция между **возвратностью глагола** и выбором придаточного относительного.

8) Видимо, существует слабая корреляция между **нерестриktivностью** относительной клаузы и выбором стратегии с придаточным относительным.

9) Выбор причастной стратегии положительно коррелирует с **именительным падежом вершины** относительного оборота и отрицательно — со всеми косвенными падежами, кроме родительного.

10) Выбор причастия положительно коррелирует с так называемым **атрибутивным стяжением**, то есть с использованием именной группы с зависимой атрибутивной конструкцией «вместо» подчиненной предикации, как в следующем примере:

(73) Гласс, *играющий* свою музыку, — зрелище гипнотическое и, пожалуй, даже наркотическое. [А. Журбин. Как это делалось в Америке. Автобиографические заметки (1999)]

В данном случае имеется в виду, что «гипнотическое зрелище» представляет собой не собственно одушевленный протагонист, а ситуация, когда он играет свою музыку. Конструкции с местоимением *который* в конструкциях атрибутивного стяжения почти никогда не используются.

М. А. Холодилова показывает, что большинство выявленных признаков укладываются в общую закономерность: причастные обороты по своим признакам (как абсолютным, так и относительным, то есть количественным), демонстрируют большую степень **номинализованности**, чем относительные предложения. Под номинализованностью понимается ослабление свойств отдельной клаузы и усиление свойств, характерных для имени. Если ввести в обсуждаемое противопоставление также различие позиционных типов причастных оборотов, то по степени номинализованности сравниваемые структуры образуют иерархию следующего вида (от менее номинализованных к более номинализованным):

(74) относительное предложение с *который* (всегда в постпозиции) > причастный оборот в постпозиции > причастный оборот в препозиции

5. Библиография

- Богданов А. В. Семантика и синтаксис отглагольных адъективов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: МГУ. 2011.
- Богданов С. И., Воейкова М. Д., Евтюхин В. Б. и др. Современный русский язык. Морфология. Препринт (рабочие материалы для учебника). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 2007.
- Буланин Л. Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. Л.: ЛГУ. 1983. С. 94–115.
- Вимер Б. Таксис и коинцидентия в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (Ред.) 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак. 2004. С. 53–73.
- Виноградов В. В. Русский язык. 4-е изд. М.: «Русский язык». 2001 (1-е изд. — М. 1947).
- Влахос А. В. Причастия будущего времени в русском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра филологии. СПб: СПбГУ. 2010.
- Вяльсова А. П. Типы таксисных отношений в современном русском языке (на материале причастных конструкций). Автореферат дисс. ... к. филол. наук. М. 2008.
- Грамматика 1980 — Шведова Н. Ю. (Ред.) Русская грамматика. М.: Наука. 1980.
- Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. М.: Наука. 1980.
- Демьянова Е. М. Соотношение между временем сказуемого и временем атрибута-причастия с суффиксами *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-* на морфологическом уровне // *Dissertationes Slavicae*. Sectio Linguistica, XXII. Szeged. 1991. С. 11–17.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русские словари. 2003 (1-е изд. — М. 1977).
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Т. I–II. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры. 2003 (Ре-принт издания: Братислава. 1965. 1-е изд. — 1954–1960).
- Иткин И. Б. Русская морфонология. М.: Гнозис. 2007.
- Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М.: Наука. 1971.
- Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур. 2007.
- Козинцева Н. А. Таксисные функции, передаваемые причастиями и причастными оборотами, в русском языке // Бондарко А. В., Шубик С. А. (Отв. ред.) Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность. СПб: Наука. 2003. С. 175–189.
- Крапивина К. А. Причастный таксис в русском языке. Дипломная работа. СПб: СПбГУ. 2009.
- Лисина Н. М. Действительное причастие как компонент семантической структуры предложения // Предложение и его структура в языке (русский язык). М. 1986. С. 74–83.

- Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопросы языкознания, 5. 1966. С. 37–47.
- Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры». 1996.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры. 2004а.
- Падучева Е. В. О параметрах лексического значения глагола: онтологическая категория и тематический класс // Русский язык сегодня, 3. Проблемы русской лексикографии. М.: Азбуковник. 2004b. С. 213–238.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры. 2001.
- Полянский С. М. Одновременность/разновременность и другие типы таксисных отношений // Бондарко А. В. (Ред.) Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. 2-е изд. М.: УРСС. 2001. С. 243–253.
- Рожкова А. Ю. Причастия и деепричастия как маркеры уровня речевой компетенции говорящего (на материале звукового корпуса русского языка). Выпускная работа ... магистра лингвистики. СПб: СПбГУ. 2011.
- Русакова М. В. О позиции неопределенности и конкуренции действительных причастий прошедшего и настоящего времени несовершенного вида // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 2. Ч. II. 2008. С. 237–244.
- Русакова М. В., Сай С. С. Конкуренция действительных причастий прошедшего и настоящего времени // Киселева К. Л., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (Ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. Сборник статей. М.: Пробел-2000. 2009. С. 245–282.
- Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы. М.: Русский язык. 1989.
- Сай С. С. Причастие // Плунгян В. А. (Отв. ред.) Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. I. СПб.: Нестор-История. 2016а. С. 341–388.
- Сай С. С. Страдательное причастие настоящего времени // Плунгян В. А. (Отв. ред.) Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. I. СПб.: Нестор-История. 2016b. С. 389–445.
- Холодилова М. А. Конкуренция стратегий релятивизации подлежащего в русском языке: корпусное исследование. Курсовая работа. СПб: СПбГУ. 2009.
- Холодилова М. А. Конкуренция стратегий релятивизации подлежащего в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН, VII(3). СПб.: Наука. 2011. С. 219–224.
- Холодилова М. А. Конкуренция основных стратегий релятивизации подлежащего в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, X(2). Сай С. С., Овсянникова М. А., Оскольская С. А. (Ред. тома) Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. СПб.: Наука. 2014. С. 478–509.
- Чуглов В. И. Категории залога и времени у русских причастий // Вопросы языкознания, 3. 1990. С. 54–61.

- Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (Ред.) Краткая русская грамматика. М.: ИРЯ РАН. 2002.
- Bybee J. Cognitive processes in grammaticalization // Tomasello M. (Ed.) *The New Psychology of Language*. Vol. II. New Jersey: Lawrence Erlbaum. 2003. P. 145–167.
- Timberlake A. *A reference grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press. 2004.